

ГЛАВА XI.

удное весеннее утро.

Весна успѣла уже прикраситься всѣми дарами природы. Лѣнивые дубы покрылись зелеными листьями, пахучія березы потряхивали своими длинными сережками, у подножія деревьевъ, гдѣ только успѣло заглянуть солнце, цвѣточки поднимали къ небу свои пестрыя головки.

На каждой вѣткѣ сидѣла птичка, оглашая воздухъ веселымъ чирика-ньемъ, въ каждомъ солнечномъ лучѣ повисла золотокрылая мушка.

Весь міръ, все что одарено жизнью—вода, лѣсъ, птицы и звѣри, и золотыя мушки и серебряныя рыбки—все въ эту счастливую минуту жило дружною, согласною жизнью... Ручей журчалъ какою-то пѣжною, понятною рѣчью. Птицы пѣли пѣсни для людей, дикій звѣрь и тотъ иногда заводилъ дружбу съ человѣкомъ, чтобы ему услужить... Полное согласіе царствовало въ этомъ чудномъ мірѣ, въ которомъ всѣ части образовали такое гармоническое цѣлое. Даже смерть приходила къ людямъ съ улыбкою будущаго блаженства—она приходила всегда въ свое время, не раньше и не позже назначеннаго природою конца человѣческой жизни, чтобы провести земного жителя на вѣчный пиръ къ его отцамъ.

Двѣ корзины, полныя грибовъ, стояли на землѣ; двѣ молодыя дѣвушки сидѣли подлѣ нихъ обнявшись; онѣ отдыхали. Это была Дива и ея сестра. Дива задумалась, устремивъ пристальный взглядъ въ глубь лѣса.

— Къ чему ты прислушиваешься? спросила у нея сестра.

— Сорока говоритъ мнѣ что-то... Ты ее слышишь? Она спрашиваетъ насъ, много ли мы набрали грибовъ? Она говоритъ, что на урочищѣ грибовъ много. Хочетъ насъ проводить домой

Дива замолкла на минуту.

— Говоритъ она еще, продолжала молодая дѣвушка,—что къ намъ пріѣдутъ свататься... Женихъ—красавецъ пріѣдетъ и къ тебѣ...

— Ко мнѣ, Дива?

— Да, къ тебѣ, Живя, я не могу принимать сватовъ... Я всегда буду носить вѣнокъ, всегда... и въ немъ, въ зеленомъ вѣнкѣ, отойду къ отцу и къ матери...

Сорока дѣйствительно спѣла на вѣткѣ и стрекотала. Вдругъ изъ лѣса вылетѣлъ ястребъ съ распростертыми крыльями: онъ высоко леталъ надъ лугомъ, высматривая добычу внизу на землѣ. Сорока, замѣтивъ его, крикнула, какъ бы призывая на помощь своихъ товарокъ. Изъ кустовъ послѣдовали отвѣтные возгласы, сороки слетѣлись толпами съ разныхъ сторонъ и подняли невыразимый крикъ; собравшись, онѣ толпою ударили на ястреба. Хищная птица опускалась все ниже и ниже; стая сорокъ опустилась за нею; Желая обмануть своихъ преслѣдовательницъ, ястребъ поднялся къ облакамъ, — сороки за нимъ... Наконецъ, онъ какъ стрѣла опустился внизъ, стая сорокъ тоже опустилась и напала на него. Посмались перья. Послѣ непродолжительной борьбы ястребъ полетѣлъ въ лѣсъ, сороки пустились за нимъ въ догонку.

Дива вздохнула.

Гдѣ-то вдали отозвалась кукушка... разъ, другой... и замолкла. Сестры задумали, когда Живя выйдетъ замужъ?

— Кукуй намъ кукушка, говорили онѣ.

Куку-куку-куку — три раза раздалось въ лѣсу... Какъ знать: три года или три мѣсяца?

Живя, смѣясь, спросила о судьбѣ Дивы. Кукушка подлетѣла къ нимъ ближе, захохотала какъ-то странно, но ворожить не захотѣла. Дѣвушки узнали ее только по перьямъ.

Сестры молчали, задумавшись о томъ, что ждетъ ихъ впереди: радость или лютое горе? Живя начала собирать цвѣты, желая свить вѣнокъ для сестры. Но подъ руку ей все наворачивались какіе-то нехорошіе цвѣты, корешки безпрестанно рвались и ей никакъ не удавалось свить вѣнка.

Дива и Живя сидѣли недалеко отъ своего дома, а потому считали себя вполне безопасными и отъ звѣря и отъ врага. На слѣдующій день онѣ собирались на праздникъ Купалы, къ огнямъ... Живя радовалась этому; Дивѣ не хотѣлось идти вмѣстѣ съ другими; ей было какъ-то не по себѣ.

Среди царствующей тишины, въ которой слышно было жужжаніе мухъ и пчелъ, вдругъ въ лѣсу раздался шумъ. Молодые дѣвушки посмотрѣли одна на другую.

— Не Людекъ ли это отправился на охоту? Не его ли это собаки лаютъ въ лѣсу? спросила Живя.

— Нѣтъ, Людекъ дома, отвѣчала Дива, — онъ ходитъ около скота.

Дива и Живя торопливо побѣжали въ лѣсъ, захвативъ съ собою корзинъ. Но внезапно все затихло: не слышалось болѣе ни голосовъ людей, ни лая собакъ.

Живя выглянула изъ чащи и прислушалась. Все тихо. Дятель гдѣ-то долбитъ дерево... и только.

Сестры вернулись на прежнее мѣсто. Солнце такъ хорошо здѣсь пригрѣвало. Вдали слышалось пѣніе. Кто-то охрипшимъ голосомъ пѣлъ тоскливую пѣсню.

— Это Яруха, проговорила Дива.

— Куда бредеть она этимъ путемъ?

Изъ лѣсной опушки вышла на поляну старая баба, съ палкою въ рукахъ и съ горшкомъ, привязаннымъ къ кушаку; на плечахъ у нея висѣлъ мѣшокъ; голова была покрыта какою-то грязною тряпкою. Старуха приложила руку ко лбу и посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ сидѣли Дива и Живя. Увиди ихъ, она подняла палку вверхъ и крикнула имъ:

— Съ добрымъ утромъ!

— Куда бредешь, Яруха? спросила Живя.

— Старуха направилась къ нимъ.

— Куда же идти теперь, если не на Купалу? Завтра Купала! Парни напьются, ошалѣютъ; можетъ быть, который нибудь изъ нихъ подумаетъ, что я еще молодая дѣвка и поцѣлуетъ меня. Го, го!...

Яруха весело подпрыгивала; подойди же къ двумъ сестрамъ сѣла около нихъ на землю.

— Не хотите ли я предскажу вамъ будущее, а? спросила она.

Сестры молчали. Баба посмотрѣла на нихъ пристально.

— По такимъ личикамъ, какъ ваши, не трудно предсказывать будущее, сказала она смѣясь и оскаливая остатки своихъ зубовъ; — красивыя у васъ личики, цвѣтутъ словно лиліи. И у меня когда-то были такія же румяныя и бѣлыя щеки. Солнце обожгло лиліи, дожди смыли красу... не дожди это были, а слезы, горькія слезы!

Старуха покачала головою. Она протянула свою костлявую руку къ Дивѣ.

— Дай-ка руку, погадаю!

Дива неохотно протянула ей руку. Яруха со вниманіемъ начала разсматривать ея ладонь.

— Бѣлая ладонь у тебя, мозолей нѣтъ на ней... ой, бѣда съ такою рукою... тысяча парней захочетъ имѣть ее... а краса-дѣвка ни одного не захочетъ.

Она все пристальнѣе вглядывалась въ руку Дивы.

— Пойдешь завтра на Купалу?

— Пойду, отвѣчала Дива.

— Не ходи, ой, не ходи! говорю тебѣ, лучше не ходи... А пойдешь, кровь прольется.

Дива поблѣднѣла.

— Яруха, проговорила она, — зачѣмъ ты меня пугаешь. Ты знаешь вѣдь, что дома я не могу остаться. Ты сама не знаешь, что толкуешь.

— Не я, такъ другой знаетъ что говорить? отвѣчала Яруха. — Онъ нашептываетъ мнѣ въ уши и ворочаетъ мой языкъ. Развѣ я знаю кто это и что онъ заставляетъ говорить? Хотя бы и хотѣла я закрыть ротъ и молчать, такъ нѣтъ, кто-то мучитъ меня и заставляетъ говорить. Мнѣ все мерещится, что ходитъ кто-то передъ глазами... за сердце меня хватаетъ. Вотъ баба и городитъ, сама не зная что... а должна говорить!... Не ходи на Купалу.

Дива засмѣялась.

— А я не совѣтовала бы тебѣ идти туда, Яруха! Ты вѣдь знаешь, какъ надъ тобою всѣ смѣются.

— Этого я не боюсь, отвѣчала старуха. Когда огни погаснутъ, когда ночь наступитъ... Э! э! который нибудь поцѣлуетъ меня, прижметъ къ груди... вспомню молодые годы...

— А что же ты дѣлала въ молодые годы? спросила Живя.

— Я-то? Я? Развѣ ты не знаешь? переспросила Яруха. Э! э! королевичъ увезъ меня... повелъ къ себѣ, въ свои чертоги, а стѣны тамъ были золотыя... Въ саду росла яблоня и давала яблоки душистыя... У ея подножія протекалъ животворящій ручей... Я семь лѣтъ была королевою... семь лѣтъ пѣла я пѣсни, семь лѣтъ сплетала я и расплетала косы... слугъ у меня было много... А потомъ вдругъ темно стало... я очутилась въ грязныхъ тряпкахъ, съ палкою въ рукахъ, въ лѣсной глуши... Вороны стучали клювами по моей головушкѣ, глазъ искали...

Яруха замолкла. Немного погодя она прибавила:

— А ты, Дива, не ходи на Купалу!..

Дива улыбнулась; Живя подала ей свою руку. Яруха смотрѣла на нихъ и качала головою.

— Родныя двѣ ручки, сестры-ручки, бормотала старуха, — а судьбы ихъ разныя... Гдѣ одной до другой?!..

— А которою изъ насъ двоихъ хотѣла бы ты быть? спросила Живя.

— Ни той, ни другою, смѣясь отвѣчала Яруха, — снова жить, снова плакать, снова пользоваться молодостью, чтобы ее потерять!.. О, нѣтъ! нѣтъ... Ни бѣлой, ни черной не хочу я судьбы... нѣтъ!.. Лучше чарочку меда, а потомъ сладкій сонъ, золотой сонъ, а тамъ хоть бы и не проснуться. Въ чаркѣ меда столько счастья, сколько его уже нѣтъ на всей землѣ... А ты не ходи на Купалу.

Красавицы начали смѣяться надъ полуошалѣвшею старухою. Она смѣялась вмѣстѣ съ ними.

Яруха снова взяла руку Дивы въ свои руки и всматривалась въ нее.

— Полюбилъ онъ тебя страстно! начала она.

— Кто?

— Не знаю! Красивый парень, молодой, богатый... Эй! не ходи на Купалу.

— Но съ нами будутъ братья и вся семья. Что же намъ могутъ сдѣлать? воскликнула Живя.

— Развѣ я знаю! Въ такой день чудеса творятся! Иногда братья дерутся, иногда чужіе люди полюбить другъ друга... Да, въ день Купалы чудеса творятся!.. Ой, жаль, что только разъ въ году такая ночь бываетъ! Ой, ой... я бы цѣлый годъ пѣсни пѣла, медъ пила и прыгала черезъ огонь...

Яруха развязала свой мѣшокъ и начала въ немъ шарить. Тамъ были пучки разнаго зелья, связанные тряпками, камешки, сѣмяна и корешки. Старуха умѣла лечить, она заговаривала разныя болѣзни, вязала ихъ, развязывала... Въ эту минуту, однако, она искала не лекарствъ. Въ мѣшкѣ былъ

у нея кусокъ сухаго калача, весь покрытый пылью; она вынула его, осмотрѣла, вычистила немного, взяла изъ корзины сыроѣшку и стала ѣсть.

Дива придвинула къ ней свою корзину. Старуха съ жадностью глотала одинъ грибокъ за другимъ.

— Зайди къ намъ въ хижину, дадимъ тебѣ чегонибудь горячаго...

— Не могу, пробормотала старуха, — ноги болятъ, а поле, гдѣ будутъ горѣть наши огни, далеко... Днемъ еще бѣды нѣтъ, но идти ночью и встрѣтиться съ голоднымъ волкомъ или оборотнемъ — бррр!..

Она покачала головою.

— А тамъ, гдѣ соберутся молодые парни, продолжала Яруха, — я должна быть... Разъ въ годъ только я становлюсь молодою... Ой, долго ждать, долго ждать...

Старуха заѣла какую-то пѣсню. Наѣвшись до сыта и выбравъ все сыроѣшки изъ корзины, Яруха отерла ротъ рукою и улыбнулась.

— По вашей милости я подкрѣпила свои силы...

Вдругъ Яруха начала тревожно оглядываться по сторонамъ.

— Тутъ чужой! Я слышу чужаго!

Точно звѣрь она вдыхала въ себя воздухъ и водила глазами вокругъ себя. Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стоялъ Зносекъ, съ окровавленнымъ лицомъ. Дѣвушки встали и хотѣли бѣжать; — Яруха посмотрѣла на Зносека.

— Э! сказала она, — нечего вамъ бояться. Знакомый человѣкъ! Должно быть порядкомъ напился медку и ему захотѣлось скитаться по лѣсу; вѣтвь выколола ему глазъ и онъ окровавилъ себѣ голову!

— Яруха! крикнулъ Зносекъ, не двигаясь съ мѣста, — спаси меня, дай зелье!

Дива и Живя, увидя израненное лицо Зносека, вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ него, остановились за деревомъ, у котораго сидѣла Яруха.

— Иди-ка сюда! Посмотримъ! позвала его старуха.

Зносекъ, закрывая глазъ или, вѣрнѣе, то мѣсто, откуда выплылъ его глазъ, едва добрелъ до дерева и упалъ на землю.

Яруха осмотрѣла его голову.

— Зачѣмъ тебѣ понадобилось цѣловаться съ дикою кошкою? спросила она. — Зачѣмъ тебѣ было заводить съ нею дружбу?

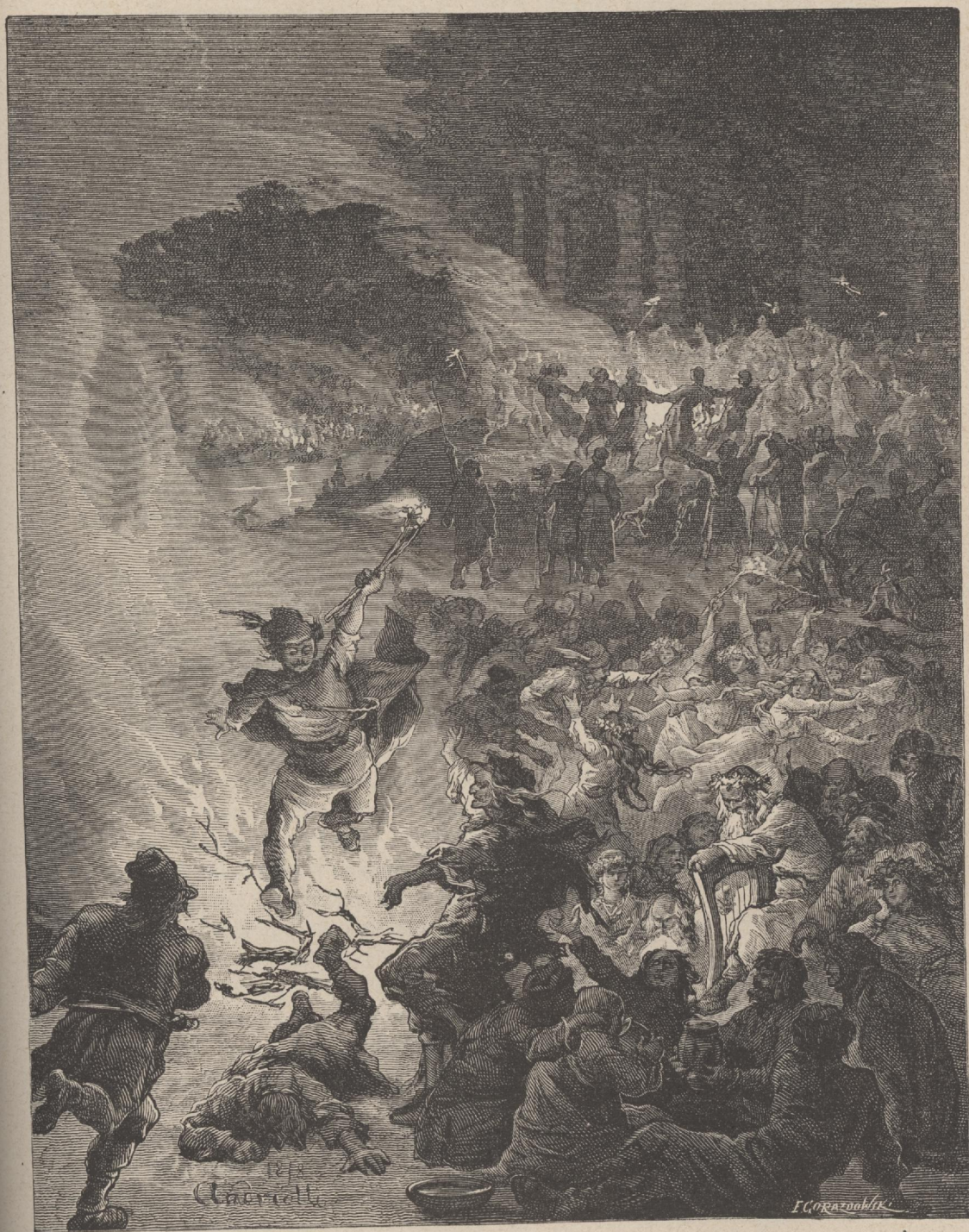
Она положила его голову къ себѣ на колѣни и открыла ему глазъ.

— А глазъ?... Э, братъ, стрѣла въ глазъ попала! воскликнула Яруха. — Куда ты ходилъ пировать? Хорошо же тебя угостили, хорошо! Будешь всю жизнь свою помнить...

Старуха какъ-то странно хохотала и начала рыться въ своемъ мѣшкѣ.

Живя, сжалившись надъ страдающимъ человѣкомъ, оторвала кусокъ своего передника и передала его старухѣ. Яруха взяла кусокъ полотна, сорвала какую-то траву, но не торопилась обвязывать рану Зносеку, скрежетавшему зубами отъ боли.

— Конечно, и хромаго волка, если онъ просить слѣдуетъ спасти, про-

Парни съ зажженными факелами въ рукахъ стали прыгать черезъ огонь (стр. 137).

говорила она.—Но ты, Зносекъ, и того не стоишь: немало ты уморилъ людей... Кто знаетъ, можетъ статья, кости дикой кошки исправятъ тебя... Сообрази только хорошенько, парень, да возьми меня себѣ въ жены, мы отправимся вмѣстѣ къ аистово гнѣздо и будемъ хозяйничать. Ты будешь мнѣ приносить зеленыхъ лягушекъ, а я буду тебѣ пѣсни пѣть...

Яруха смѣялась и обкладывала ему голову листьями и травой; затѣмъ обвязала ее бѣлымъ полотномъ.

— Говори же гдѣ ты былъ? Чѣмъ передъ тобою кошка провинилась? Зносекъ, вмѣсто отвѣта, зашипѣлъ отъ боли.

— А глазъ мой какъ? спросилъ Зносекъ.

— И не думай о немъ... потому что его нѣтъ, сказала Яруха,—а новый глазъ не легко вставить... Отъ животворящей воды вырастаетъ, это правда, но гдѣ же эта вода. Змѣя сидитъ у ключа... драконъ летаетъ надъ нимъ... семь годовъ нужно идти къ нему... а семь еще подъ гору взбираться...

Живя, замѣтивъ, что старуха своими дрожащими руками не можетъ справиться съ полотномъ, которымъ она хотѣла повязать голову Зносеку, подошла къ нимъ, наклонилась и ловко завязала полотно. Зносекъ поднялъ на нее единственный свой глазъ, но въ немъ было больше гнѣва и безсильной злобы, чѣмъ благодарности за ея состраданіе.

— Я какъ нибуду справлюсь съ твоей болью, проговорила Яруха, — но раньше ты долженъ признаться гдѣ ты былъ... Нечего толковать, что тотъ, кто у князя можетъ спокойно сидѣть подъ столомъ и спать на славу, ни съ того ни съ сего не пойдетъ въ лѣсъ.

Едва слышали красавицы, что Яруха заговорила о князѣ, онѣ стремительно убѣжали; достаточно было одного этого слова, чтобы напугать ихъ порядкомъ. Взявъ съ земли свои корзины Дива и Живя исчезли въ лѣсу. Старуха посмотрѣла имъ въ слѣдъ и обратилась къ Зносеку:

— Ну, теперь скажи, гдѣ это тебя поцарапали?

— Я бродилъ по лѣсу... увидѣлъ дупло...

— Медку захотѣлось... а?

— Дикая кошка сидѣла въ немъ...

— А кто же стрѣлу пустилъ съ твой глазъ?

Эти слова привели Зносека въ бѣшенство: онъ поднялъ обѣ руки вверхъ, угрожая своими кулаками.

— Не прощу я имъ этого, нѣтъ.. никогда, кричалъ онъ.—Одному изъ нихъ выколю глаза... Князь вступится за меня... Князь отомститъ за меня...

— Э, братъ, тебѣ, вѣрно, захотѣлось побывать на вѣчѣ, смѣясь сказала старуха.—Теперь я все знаю! Неподалеку стоитъ тамъ старый дубъ... ты и полѣзъ въ дупло... хотѣлось подслушать... и вотъ гдѣ стрѣла кмета нашла твой глазъ...

Зносекъ не думалъ ни признаваться, ни отрицаться; онъ опустилъ голову и скрежеталъ зубами отъ боли и злости.

— А какой черненькій глазокъ былъ у тебя! сказала старуха.—Жаль!...

Скажи по истинѣ, былъ ли ты молодъ когда нибудь? или родился уже старикомъ?

Старуха поднялась съ земли.

— Заговори мою боль, прошипѣлъ Зносекъ.

— Не могу... не могу, отвѣчала старуха,—только послѣ Купалы можно заговаривать. Къ тому же кошачьи кости и стрѣла человѣка! Сколько тутъ зелья понадобится... и глазъ!... О! о! Хотя бы ты мнѣ давалъ и сама не знаю какъ много за мой трудъ, все же еще остался бы въ долгу у меня. . И если бы мнѣ удалось освободить тебя отъ боли, я сама должна бы принять ее на себя, потому что здѣсь нѣтъ ни ключа, ни камня, ни дерева, на которыхъ можно бы ее оставить... а мнѣ нужно на Купалу... на Купалу...

Старуха, не дожидаясь отвѣта Зносека, запѣла пѣсню о Купалѣ и, не обращая никакого вниманія на израненаго одноглазаго страдальца, побрела въ лѣсъ... Зносекъ положилъ голову на траву и уснулъ.

ГЛАВА XII.

отъ и Купала — праздникъ всего языческаго міра, день Бѣль-бога, бога дня и свѣта, въ честь котораго зажигались огни и по берегамъ Адриі, Балты, Дуная, и по Лабѣ, Вислѣ, Днѣстру, Ронѣ и Сенѣ. Покланяясь этому Бѣль-богу, Белю, народы двигались съ востока на западъ, покидали райскую колыбель для холодныхъ странъ новаго отечества.

День — самый длинный въ году, ночь — самая короткая; праздникъ Купалы былъ общеою радостью, общимъ весельемъ; пѣніе, танцы, праздничные обряды, словно спѣша, смѣняли другъ друга.

И сюда также, къ священной горѣ надъ озеромъ, конечной цѣли путешествія многихъ въ Купалинъ день, стекались, задолго до солнечнаго восхода, толпы людей, украшенныхъ вѣнками, живыми растеніями, перепоясанныхъ чернобыльникомъ. Среди нихъ, тамъ и сямъ, живописно бѣлѣли сѣдые головы народныхъ пѣвцовъ.

Гора, отлогой покатостью, спускалась къ самому озеру. Съ вершиной увѣнчанной коренастыми дубами и изрѣдка разбросанными березами, она представлялась возвышеннымъ центромъ дремучаго лѣса, который чѣмъ дальше, тѣмъ становился гуще, сливаясь въ синеватой дали съ непроходимыми дебрями, покрывавшими въ тѣ времена почти сплошь эту мѣстность.

Съ ранняго утра молодые парни таскали на гору зеленныя вѣтви, свѣже-нащипанныя лучины и только что срубленные стволы; употребленіе высохшаго, лишеннаго жизни дерева, какъ для постройки жилья, такъ равно и для устройства священныхъ костровъ, было воспрещено. Изъ засохшихъ вѣтвей допускались лишь тѣ, которыя были отломлены непосредственно отъ живыхъ деревьевъ; въ упавшихъ, валявшихся на землѣ, предполагалось присутствіе смерти.

Всюду видѣлись вереницами женщины, въ бѣлой одеждѣ, въ зеленыхъ повязкахъ, съ вѣнками на головахъ. Молодежь, въ накинутыхъ на плечи сермягахъ, сходилась со всѣхъ сторонъ. Звонкія пѣсни, предвозвѣстницы ночнаго веселья, радостнымъ эхомъ отдавались въ окрестныхъ дубравахъ и рощахъ.

У подножія дубовъ и вдоль лѣсной опушки воздвигнуты были рядами костры. То тутъ, то тамъ, каменными топориками рубили щепки. Каждое село расположилось отдѣльно вокругъ своихъ костровъ, устроенныхъ на мѣстахъ, сохранившихъ слѣды прошлогодняго праздника. Веселый хохотъ доносился съ разныхъ концовъ, постепенно теряясь въ лѣсу.

Подъ дубомъ сидѣлъ Слованъ; напротивъ него подъ другимъ дубомъ усѣлся тоже пѣвецъ; звали его Вилуемъ. Какъ только одинъ переставалъ пѣть, начиналъ свою пѣсню другой; хотя пѣли они поочередно, но пѣсни ихъ другъ на дружку не походили; казалось, пѣсни тѣ споръ завели межъ собою.

— Ой, ты гой еси, солнце яснаго, свѣтлаго дня; свѣти намъ, свѣти—согрѣвай—пѣлъ старый гусярь. Свѣтъ потоками льется на мать нашуземлю... Свѣти намъ, свѣти, Купала! Пусть черные драконы никогда не темнятъ твоего лица... Ты наше счастье, жизнь—надежа, ты нашъ богъ! Купала!.. Царствуй король, къ жизни вдохни въ насъ желаніе, о жизнедатель, богъ нашъ Купала; сѣй, живи, возбуждай, Купала ..

Старикъ умолкъ. Вилуй пальцами ударилъ по струнамъ и началъ пѣть какую-то непонятную пѣсню полузвительнымъ голосомъ.

— Пѣсня ты моя, пѣсенка! Птичка моя золотая, словно живая вода спасаешь ты отъ плѣсени смерти, но кто кинется въ твои волны, недолго тому видѣть хорошіе сны! Двѣ въ тебѣ добродѣтели: жизнь и смерть ты содержишь въ себѣ... Пѣсня воскрешаетъ изъ мертвыхъ, она же хоронитъ живыхъ... въ ней сила обоихъ міровъ... и жизни и смерти...

Вилуй опустилъ голову на грудь и умолкъ... Слованъ тоже молчалъ; хоръ между тѣмъ пѣлъ въ честь Купалы веселыя пѣсни.

Солнце клонилось къ закату; лица парней и дѣвушекъ ежеминутно обращались въ ту сторону неба, гдѣ солнечный кругъ все еще продолжалъ свѣтить... Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали мгновенія, когда послѣдніе его отблески померкнутъ на верхушкахъ деревьевъ—тогда только можно будетъ зажечь огни и начать хороводы...

Пожилыя женщины сидѣли на землѣ, окруженные ведрами, горшками и корытами, полными мяса... Тутъ же лежали калачи и праздничные короваи; молодежь бѣгала, рѣзвясь на лугу. Дѣвушки, собравшись всѣ вмѣстѣ, держались поодаль отъ прочихъ женщинъ: къ нимъ подходили парни, велись разговоры... Отовсюду слышались веселые возгласы:

— Купала! Купала! Купала!

У костра семейства Виша стояли Людекъ и Самборъ, не пожелавшій возвратиться въ городъ; кромѣ нихъ, тамъ же было не мало слугъ и женщинъ. Время отъ времени, всѣ они посматривали въ сторону лѣса, по на-

правленію своего села, такъ какъ до сихъ поръ Дивы и Живи не было среди нихъ, а Дива должна была первая поджечь костеръ и запѣть пѣсню въ честь Купалы. Между тѣмъ, молодые парни, треніемъ одного объ другой двухъ сухихъ деревянныхъ обрубокѣ, старались добыть священный огонь, которому надлежало родиться самостоятельно и появиться на свѣтъ вполне дѣвственнымъ, чтобы потомъ, въ продолженіи цѣлаго года, горѣть на домашнемъ очагѣ. Этого огня никто не смѣлъ выносить изъ избы, а чужому пользоваться имъ строго было запрещено. Кто выносилъ огонь изъ жилища, отнималъ у него жизнь.

Два смолистыхъ обрубка дымились уже въ ихъ рукахъ, а огня все еще не было. Дива тоже не приходила. Самборъ болѣе обращалъ вниманія на тропинку, по которой должна была прійти красавица, чѣмъ на занятіе парней. Въ эту минуту его ни мало не озабочивало, успѣетъ ли вспыхнуть пламя ко времени солнечнаго заката, или нѣтъ.

Наконецъ вдали показались двѣ дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ: взявшись за руки, онѣ медленно подвигались впередъ. На головахъ ихъ красовались зеленые вѣнки; гирлянды изъ свѣжихъ листьевъ замѣняли имъ пояса; у каждой въ рукахъ было по связкѣ душистой травы. Дива и Живя молча приближались къ парнямъ. Дива все еще думала о предостереженіи старой Ярухи, и хотя полоумной бабѣ нельзя было вѣрять, все же Дивѣ казалось, что кто-то нашептываетъ ей безпрестанно: не ходи на Купалу!

Не смотря на общее веселье и радость, обѣ сестры были опечалены какимъ-то смутнымъ, непріятнымъ предчувствіемъ. Онѣ подошли къ своимъ. Самборъ, напряженно слѣдившій за каждымъ движеніемъ Дивы, сколько ни всматривался въ ея лицо, не могъ разгадать ея печали.

Людекъ подошелъ къ сестрамъ.

— Сестры, обратился онъ къ нимъ, — гуляйте вмѣстѣ, не заходите только далеко въ лѣсъ... Я Доману не довѣряю... Въ ночь Купалы иногда происходятъ страшныя вещи... Сколько дѣвокъ пропадаетъ въ лѣсахъ!.. На зарѣ, когда ошалѣютъ люди, они теряютъ и рассудокъ и память.

Дива краснѣла, слушая брата; она держала въ рукахъ вѣточку руты и отрицательно покачала головою.

— Ничего не будетъ, сказала она, — никто, ни Доманъ, ни другой не посмѣетъ подойти ко мнѣ... я вѣдь буду среди своихъ. А васъ, парней, довольно, чтобы защитить сестру!

Людекъ на это не отвѣтилъ ни слова. Тѣмъ временемъ Живя страстными глазами осматривала собравшихся парней, весело хохотала, щеки ея горѣли.

— Оставьте напрасный страхъ! говорила она смѣясь. — Никто не посмѣетъ подойти къ намъ. Но въ такой день, не заставляйте же насъ сидѣть въ сторонкѣ, не отнимайте у насъ свободы. Только и есть нашей радости... Купала!..

Пѣсни раздавались все громче и громче; прочія дѣвушки, замѣтивъ появившихся Диву и Живю, сейчасъ же подбѣжали къ нимъ, зазывая въ

свое общество. Понемногу и щеки Дивы загорѣлись легкимъ румянцемъ, на губахъ ея заиграла улыбка.

Она начала напѣвать про себя: «Купала! Купала!»

Вдали раздавались слова знакомой ей пѣсни:

Солнце въ морѣ купалось, на свадьбу собиралось... Ведутъ, ведутъ ужъ невѣсту, въ парчевое разодѣтую платье.. Мѣсяцъ плыветъ съ дружиною звѣздочекъ... Здравствуй, солнышко золотое... Ты будешь царить у насъ... Солнышко мое красное! Купала!

Молодые парни стояли по сторонамъ, перешептываясь между собою. Искоса взглядывали они на красавицъ, выбирая глазами тѣхъ, которыя были моложе и краше другихъ!

Случалось иногда, что въ Купалову ночь, подъ утро особенно, какое-то бѣшенство охватывало мужчинъ; они, точно дикіе звѣри, бѣжали въ лѣсъ, насильно таща за собою женщинъ. Это называлось у нихъ «стадомъ». Каждая семья, однако, зорко стерегла своихъ и слѣдила за каждымъ подобнымъ безумцемъ, не желая доводить дѣла до «стада».

Дива печально глядѣла на заходящій багровый солнечный шаръ, отблескъ котораго скользилъ по ея лицу и волосамъ. Последніе дневные лучи одинъ за другимъ расплывались въ сгущавшемся сумракѣ вечера: красноватое зарево свѣтилось вдали въ томъ мѣстѣ, гдѣ за лѣсами скрылось солнце... Дивѣ принесли двѣ смолистыя лучины, горѣвшія священнымъ огнемъ: красавица ловкимъ движеніемъ подожгла ими костеръ. Въ ту же минуту у всѣхъ костровъ заблестѣли огни, воздухъ дрогнулъ отъ тысячи голосовъ: «Купала»!

Женщины, взявшись за руки, окружили костры; немного въ сторонѣ стояли мужчины — всѣ пѣли пѣсни въ честь Купалы.

По окрестности, до тѣхъ поръ нѣмой и глухой, волной пронеслась струя жизни, веселья и радости. Казалось, что старый лѣсъ, облака, трава, ручей, даже камни — вторять этому общему ликованью.

Звуки веселыхъ пѣсень разбудили дремлющихъ водяныхъ птицъ на озерѣ; въ кустахъ встрепенулись пернатые ихъ обитатели... У костровъ дѣвушки первыя запѣли торжественный гимнъ въ честь Купалы: онѣ пѣли о Богѣ, въ золотомъ вѣнкѣ, дающемъ полямъ золотыя зерна, лугамъ капли серебряной росы, людямъ хлѣбъ; его велѣніемъ колосыя наливаются благодатною пищею, улья наполняются сладкимъ медомъ; онъ, а не кто другой превращаетъ мракъ въ свѣтъ дневной; онъ зажигаетъ любовь въ человѣческомъ сердцѣ, онъ причина всѣхъ радостей на землѣ. День его — день свадьбы небесной солнца съ луною. Земля торжествуетъ, она открываетъ свои сокровищницы; въ эту ночь нѣтъ у нея ни единой тайны; все заколдованное освобождается отъ чаръ его сковывавшихъ, свѣтлые духи сходятъ съ небесъ, чтобы весельемъ своимъ воодушевлять людей... Смерть, нечисть разная, прячется по пещерамъ, подъ темнымъ покровомъ Ямы.

Едва успѣвали кончать одну пѣсню, сейчасъ начинали другую. Хоры пѣвцовъ перекликались съ одного на другой конецъ Городища. Дива, впе-

реди всѣхъ, съ гордо поднятою головою, танцовала и вела за собою вереницы танцовщицъ... Остальныя дѣвицы повиновались каждому ея жесту, малѣйшему движенію...

Лѣсъ вторилъ ихъ пѣснямъ и танцамъ: пылающіе костры освѣщали его мрачные своды.

Вдали — безконечное зарево отъ костровъ, а вблизи — вьются, прыгаютъ, бѣгаютъ, какія-то тѣни, съ распущенными волосами, съ развѣвающимися по воздуху одеждами... Эй, Купала, Купала! Вотъ молодые парни окунаются въ пламени, перепрыгивая черезъ костры... Каждый прыжокъ вызываетъ громкія рукоплесканія... Изрѣдка раздается пронзительный крикъ, — то парни бросились къ женщинамъ... Кое-гдѣ, прикрываясь сумракомъ ночи, разгаромъ вакхической страсти, совершаются дѣйствія, развѣ только ради Купалы сходящія съ рукъ виновнымъ.

Но все же больше здѣсь хохота, нежели криковъ; больше веселья, чѣмъ слезъ.

Женщины еще танцовали, когда парни, съ зажженными факелами въ рукахъ, стали прыгать черезъ огонь; затѣмъ начали бѣгать въ догонку по лугу, пуская по вѣтру искры смолистыхъ лучинъ.

Въ разныхъ мѣстахъ лили медъ въ огонь на жертву Бѣль-богу: пламень гасъ на мгновеніе, чтобы вспыхнуть съ новою силою. Иногда случалось, что парни сталкивались въ прыжкѣ надъ костромъ; среди дыма и пламени глухо ударялись они другъ объ друга... иногда хватались бороться, валились въ кучу на землю и долго барахтались тамъ, пробуя юную силу.

Около всѣхъ костровъ одновременно начались эти прыжки, а затѣмъ и бѣгъ съ зажженными факелами. Искусство заключалось въ томъ, чтобы горящимъ лучинамъ не дать погаснуть отъ вѣтра: держа ихъ въ рукахъ, парни мчались вокругъ бортей, луговъ, засѣянныхъ пахатей, безпрестанно призывая Купалу.

На небѣ, между тѣмъ, уже замѣчались приготовленія къ встрѣчѣ утренней зорьки... Ночь, еле успѣвшая накинуть свой саванъ на вершины деревьевъ, нехотя уступала мѣсто новому дню, загорававшемуся на краяхъ горизонта.

Теперь только началось пиршество у костровъ... Всевозможная снѣдь и напитки быстро уничтожались... Пѣніе раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Изнуренная пѣніемъ и танцами, Дива сидѣла среди своихъ, молча уставившись на пылавшій предъ нею костеръ.

Самборъ все время слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, шагомъ, но красавица ни разу даже на него не взглянула. Хотя товарищи всѣми силами старались его разшевелить, онъ не принималъ никакого участія въ общемъ весельи, переходилъ съ мѣста на мѣсто, сосредоточившись исключительно на одномъ: не упустить Дивы изъ виду... Угрозы Домана не давали ему покоя... Дива, наконецъ, замѣтила Самбора, стоящаго возлѣ нея точно на столбѣ, и пригласила его подойти ближе.

— Иди къ товарищамъ! обратилась она къ своему обожателю, — иди веселиться съ другими!

— А ты... Дива! отвѣчалъ Самборъ. — Почему ты такъ грустна и не поешь?

— Я, начала красавица, — я! Да вѣдь судьба моя иная, чѣмъ твоя! Хотя бы я и хотѣла, а веселиться не могу... Чего глазъ не видитъ, то сердце предугадываетъ; а грустно оно — и лицо не можетъ быть весело...

Дива подняла свои томные глаза на Самбора.

— За лѣсами, за горами, какъ бы про себя говорила она своимъ чуднымъ, пѣвучимъ голосомъ, — зарева горятъ... другія зарева.. пѣсни слышны, не веселыя пѣсни... лѣсъ шумитъ, толпы идутъ, огонь у нихъ въ одной рукѣ... мечъ въ другой... Вода съ кровью смѣшалася, бѣлыя липы почернѣли... Эй! Эй!..

Дива опустила на грудь свою голову. Забыла она, что Самборъ стоитъ передъ нею, а молодой парень ловилъ каждое ея слово, потрясавшее его до глубины души. Все ею сказанное до такой степени противорѣчило веселой обстановкѣ, среди которой находилась красавица, что Самборъ не могъ уловить смыслъ печальной рѣчи. Онъ долго еще всматривался въ ея лицо, не смѣя заговорить. Живя, время отъ времени, прибѣгала къ сестрѣ, стараясь насильственно вовлечь ее въ хоробы, брала ее за руки, но безуспѣшно — приходилось одной возвращаться къ подругамъ.

Сидя на землѣ, Дива безсознательно вертѣла въ рукахъ вѣнокъ, общипывая на немъ цвѣты... Мысленно она была далеко, быть можетъ, въ другомъ, лучшемъ мѣстѣ... быть можетъ въ эту минуту она воображала себя въ обществѣ отца, матери...

Самборъ еще нѣкоторое время оставался подъ дубомъ, не могъ глазъ оторвать отъ красавицы и переживалъ тяжелыя минуты. Дива вторично подзвала его къ себѣ, приказавъ ему присоединиться къ остальнымъ парнямъ, которые веселились на славу. Самборъ не посмѣлъ противорѣчить обожаемой дочери своего хозяина и отошелъ въ сторону, не зная куда направить свои шаги, такъ какъ прыгать и бѣгать, въ эту минуту, онъ чувствовалъ себя не въ состояніи.

Самъ того не замѣчая, Самборъ повернулъ въ сторону лѣса. Ему хотѣлось уйдти подальше отъ всѣхъ, укрыться въ какомъ нибудь темномъ углу, отдохнуть, — а лѣсъ, какъ на зло, былъ залитъ огнемъ и дрожалъ отъ веселыхъ пѣсенъ и криковъ парней и дѣвушекъ. Нельзя было отыскать ни одного спокойнаго уголка.

Старики сидѣли кружками, болтали и пили медъ; подъ деревьями въ разныхъ мѣстахъ шептались уединившіяся парочки; дѣвушки, взявшися за руки, длинными вереницами тянулись по направленію къ лугу, на встрѣчу имъ выбѣгали мужчины... Красавицы съ крикомъ кидались въ лѣсъ... и плохо приходилось той, которая оказывалась пойманною... На вопль ея сбѣгались гурьбою парни отстаивать похищенную; завязывалась неравная борьба; женщинамъ оставалось только защищаться горящими полѣньями.

Самборъ обошелъ нѣсколько костровъ, стараясь избѣгнуть погони двухъ-трехъ весельчаковъ, бросившихся вслѣдъ за нимъ. Знакомые и незнакомые останавливали его почти на каждомъ шагу, приглашая къ нимъ присоединиться. Самборъ всѣмъ отказывалъ. Подобное упорство заставило многихъ подумать, что онъ замышляетъ что-то не доброе...

Подвигаясь впередъ, Самборъ забрелъ въ самую глубь лѣса, куда едва долетали веселые голоса пирующихъ. Сквозь густую листву деревьевъ, свѣтъ съ трудомъ проникалъ въ то мѣсто, гдѣ, у корней стараго дуба, Самборъ легъ на землю. Шумъ веселящихся иногда еще достигалъ его слуха, но видѣть онъ уже ничего не могъ, кромѣ красноватыхъ отблесковъ, по временамъ освѣщавшихъ вершины деревьевъ, сообщая имъ огненно-золотистый оттѣнокъ. Въ моментъ этихъ отблесковъ листья казались сотканными изъ золота, а птички, въ испугѣ проснувшіяся и перепархивавшія съ вѣтки на вѣтку, — обладавшими золотыми крыльями. Разлегшись, Самборъ закрылъ лицо обѣими руками. Онъ прислушивался къ пѣснямъ, но не могъ ихъ слышать; ему казалось, что онъ во снѣ все это видитъ и слышитъ, и, дѣйствительно, мало по малу, имъ началъ овладѣвать сонъ.

Вдругъ вдали зашумѣло что-то... Раздался лошадиный топотъ... воздухъ огласился какимъ-то крикомъ... Не звѣрь ли испуганный звуками, доносящимися отъ костровъ?.. Но звѣрь бѣжитъ гораздо скорѣе, а этотъ топотъ подвигается медленно, осторожно... притихнетъ на время и снова раздается... Самборъ различалъ среди этого шума звукъ копытъ нѣсколькихъ лошадей и говоръ многихъ людей. Не желая подвергаться опасности, онъ спрятался въ кусты и сталъ со вниманіемъ прислушиваться. Не много погодя изъ глубины лѣса, подозрительно озираясь по сторонамъ, выѣхало нѣсколько всадниковъ. Слабый, мерцающій свѣтъ не позволилъ Самбору въ подробностяхъ разглядѣть эту горсть людей. Впереди ѣхалъ верхомъ молодой, стройный мужчина; за нимъ слѣдомъ двигались еще два всадника и нѣсколько парней пѣшкомъ. Время отъ времени они наклоняли головы, отстраняли мѣшавшія вѣтви и пристально вглядывались въ виднѣвшіеся вдали костры и въ окружавшую ихъ толпу.

— Нужно бы какъ нибудь подобраться къ нимъ, — заговорилъ одинъ изъ всадниковъ. — Да и чтожь удивительнаго похитить красавицу въ Купалову ночь?.. По доброй волѣ не отдають, надо брать силою!.. Лишь бы очутилась у меня на сѣдлѣ — эхъ, ужъ и не возвращу же я ее ни за что... не догонять, не вырвать ее у меня... Жизнь положу, а не дамъ!.. На право...

Не останавливаясь, они подвигались впередъ. Черезъ нѣсколько времени всадники, а слѣдомъ за ними и пѣшіе прошли мимо сдерживавшаго дыханіе Самбора. Всадники соскочили съ коней и, ведя ихъ въ рукахъ, выбирали такой путь, чтобы пройти никѣмъ незамѣченными на поляну. Одинъ изъ нихъ раздвигалъ толстыя вѣтви, останавливаясь на каждомъ шагу и зорко всматриваясь въ темную глубь лѣса. Самборъ осторожно поползъ изъ-подъ кустовъ, проскользнулъ незамѣтно чащею и, видимо озабоченный появленіемъ этихъ незнакомцевъ, пустился бѣжать къ своимъ. Эта

несвоевременная торопливость и погубила его: едва онъ замѣтилъ, что за нимъ гонятся, какъ двѣ сильныя руки, словно желѣзные тиски, схватили его за плечи. Сперва, однако, ему удалось вырваться; онъ бросился на своего противника, ударилъ его въ грудь головою такъ крѣпко, что тотъ упалъ навзничъ, но, падая, успѣлъ какъ-то ухватиться за Самбора, который вмѣстѣ съ нимъ и повалился на землю. Не смотря на всѣ усилія вырваться изъ рукъ сбитаго съ ногъ врага, Самборъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ; подоспѣвшіе два парня такъ крѣпко сдавили его, что онъ чуть не задохся. Минуту спустя, онъ лежалъ съ скрученными руками и ногами, съ завязаннымъ ртомъ. Желавшіе подойти незамѣченными къ пирующимъ бросили свою жертву: они боялись, чтобы къ ней кто-либо не явился на помощь и направились къ лошадямъ.

Самборъ остался одинъ. Онъ слышалъ, какъ связавшіе его удалялись въ лѣсъ.

Напрасно метался онъ по землѣ, съ нечеловѣческими усиліями пробуя перервать веревки. Онѣ оказались сильнѣе его. Самборъ лежалъ, прислушиваясь къ отдаленному гулу празднества. Ему казалось, что претерпѣваемые имъ муки, длятся уже цѣлую вѣчность. Вдали свѣтъ огней потухалъ понемногу; заря занималась надъ его головою. Съ каждымъ мгновеніемъ становилось свѣтлѣе. Въ кустахъ начали просыпаться птицы; пролетая надъ нимъ; онѣ, словно любопытствуя, глядѣли на обезоруженнаго чловѣка. Пара дикихъ голубей усѣлась было невдалекѣ, и сейчасъ же порхнула въ лѣсъ; кукушка тоскливо закуковала; шурша пронеслась какая-то крупная птица, затѣмъ все смолкло.

Тишина воцарялась вмѣстѣ со свѣтомъ.

Только издали еще доносились пѣсни расходившагося по домамъ народа. Солнышко, словно украдкой, заглянуло въ лѣсную чащу—на городищѣ никого уже не было.

Самборъ съ удвоенною энергіею пустилъ въ ходъ всѣ мускулы тѣла, желая ослабить путы. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, ему удалось освободить ротъ отъ повязки; затѣмъ, съ помощью острыхъ зубовъ, онъ перегрызъ веревки на рукахъ и ногахъ. Очутившись на свободѣ, онъ стремглавъ побѣжалъ къ полянѣ. Городище имѣло пустынный видъ, кое гдѣ лишь дымились остатки костровъ, повсюду валялись черенки разбитой посуды, обѣдки и кучи черного угля. Справлявшіе праздникъ Купалы разбрелись по домамъ. Самборъ, весь въ поту и измученный, вдругъ какъ вкопанный замеръ на мѣстѣ. За спиной у него послышался чей-то голосъ,

Невдалекѣ отъ мѣста гдѣ остановился Самборъ полусидѣла, полулежала на землѣ старая, престарая женщина. Всѣ звали ее вѣдьмой Ярухой. Это была та самая, что въ лѣсу совѣтовала Дивѣ не ходить на Купалу, сама же непремѣнно хотѣла изъ первыхъ попасть на веселый пиръ какъ видно, не даромъ... Яруха, которой боялись всѣ хозяйки, потому что она могла сглазить корову, заколдовать хлѣбъ или воду—въ ночь на Купалу изрядно таки кутнула...

Никто не отказывалъ ей въ напиткахъ, заручиться бы только милостію вѣдьмы-старухи, да не вооружить противъ себя. Теперь она сидѣла, хмѣльная отъ выпитаго за ночь вина, бормоча на распѣвъ какія то безсвязныя рѣчи. Увидя Самбора, она его окликнула.

— Эй! парень-паренекъ! Дай-ка мнѣ руку, говорила она... Подойди-же, дай руку!.. Небось, дурнаго тебѣ ничего не сдѣлаю, сглазить—не сглажу, ни-ни... Еще, пожалуй, предоставлю такой травы, что всѣ дѣвки любить тебя будутъ... руку мнѣ дай, потому не могу съ мѣста подняться, а надо скорѣй уходить отсюда!..

Самборъ взглянулъ на нее съ состраданіемъ.

— Хотя бы я и помогъ тебѣ съ мѣста встать, сказалъ онъ старухѣ, все-равно, одной тебѣ трудно будетъ идти, мнѣ-жъ проводить недосугъ, самъ домой торопиться долженъ.

— Умничай ужъ еще... Дай лишь руку... Встать бы только, а ноги мои еще понесутъ старыя кости... Парень ты, паренекъ...

Самборъ подошелъ къ ней и обѣими руками приподнял старуху. Она едва на ногахъ держалась. Какими-то странными, затекшими кровью глазами, оглядѣла Яруха Самбора.

— А почему, мой дружокъ, спалъ ты такъ долго, а? обратилась она къ парню съ вопросомъ.

— Не спалъ я, матушка! Злые люди связали меня, я едва разорвалъ веревки... Яруха, скажи дорогая, не произошло ли чего-либо здѣсь?

Старуха, покаясь на Самбора, лукаво улыбнулась.

— А чему бы здѣсь быть? Было то, что обыкновенно бываетъ въ Купалову ночь... Купала, богъ горячій, вдоволь разцѣловалъ дѣвокъ... а одну, что ни на есть самую раскрасавицу... Эхъ!

Яруха, махнувъ рукою, начала шѣтъ:

— Приѣхалъ красавецъ на лошадекѣ, увезъ красную дѣвицу, ой, красавецъ — увезъ красавицу... Ой, много было шуму!... Купала!

— Которую? Кто? закричалъ Самборъ.

Старуха смѣялась и долго не отвѣчала.

— Эй, батракъ... батракъ! начала она, погода — тебѣ-то она полюбилась... хозяйская дочка!... Посматривалъ ты на нее, все вѣдь я знаю... Гордая она была... умница — вишь ты!... все въ вѣнкѣ ходить ей хотѣлось... А вѣнокъ-то вода унесетъ съ собою... вода... Увели ее, увели красавицу... Ведутъ ее во свѣтлицу... Ха, ха!... Вотъ тебѣ и дѣвичье царствование!...

Старуха ударила въ ладоши, Самборъ ломалъ себѣ руки.

— А братья, а челядь... а наши всѣ?...

— Разбили, поранили, схватили, увезли... На Купалу-то, новость это, что-ли?... Да и что тутъ дурнаго?... Зачѣмъ гибнуть молодости?... Доманъ богатый кметъ... Женщинъ у него много, а жены ни одной... Она у него будетъ царицею... Ой, Купала! Купала!

Слова старухи точно громъ поразили Самбора.

— По дѣломъ ей! начала она снова. Не гордись своей красотой, да! Знаю я, знаю чего ей хотѣлось... Хотѣлось красавицѣ у огня въ храмѣ сидѣть, чтобы люди ей въ ноги кланялись, а она бы имъ ворожила... Вотъ что... Э!... э!... Не тебѣ, красавица, такая судьба!... А горшки-то на что, а прятка?... Пренебрегала свахами, ни одинъ то, вишь, не былъ ея достоенъ... Я ей еще вчера говорила: не ходи на Купалу.. Пришелъ мѣсяцъ, парень гладкій, ни крикъ, ни плачъ ни помогутъ, съ дѣвкой сѣлъ онъ на коня... Увезъ красавицу, въ бѣлую увезъ свѣтлицу... Вотъ, что надѣлалъ Купала...

Яруха пѣла и прыгала по травѣ, хотя ноги ей плохо служили. Самборъ, съ опущенною на грудь головою, отошелъ отъ нея.

— Будь здоровъ, добрый парень — кричала старуха ему въ слѣдъ — теперь я и одна пойду... А тебѣ, за то, что далъ ручку старухѣ, высватаю такую красавицу, что будешь вѣкъ ее цѣловать...

Яруха, пошатываясь, двинулась въ путь... Она напѣвала какія-то, безъ малѣйшей связи, слова, болтала сама съ собою.

Самборъ, самъ того не замѣчая, приближался къ дому стараго Виша.

Когда онъ подошелъ къ воротамъ, на дворѣ стояли всѣ женщины, заливаясь горячими слезами... Въ другомъ концѣ двора видѣлись парни, въ томъ числѣ Людекъ. Людекъ былъ раненъ въ голову... Парни горячо о чемъ-то спорили, женщины плакали...

Всѣ бросились на встрѣчу Самбору, спрашивая, гдѣ онъ пропадалъ столько времени. Онъ разсказалъ имъ подробно, какъ и что съ нимъ случилось; они въ свою очередь сообщили Самбору, что на возвратномъ пути ихъ домой, напалъ на нихъ Доманъ съ своими людьми и, не смотря на проклятья и слезы Дивы, ее увезли похитители. Людекъ, кинувшійся было защищать сестру, получилъ рану въ голову; другимъ тоже досталось. Они до сихъ поръ еще спорили о томъ, чья вина, что Диву не удалось отбить у похитителей. Людекъ хотѣлъ собрать всѣхъ своихъ работниковъ и напасть на домъ Домана, чтобы этимъ отомстить ему за нанесенную обиду; другіе удерживали его, говоря, что по обычаю можно похищать дѣвушекъ въ жены, а разъ увезенную никогда не слѣдуетъ отнимать силою. Пока длился споръ, въ воротахъ вдругъ показалась — Дива!! Женщины крикнули въ одинъ голосъ и бросились ей на встрѣчу.

Она остановилась у воротъ. Лице ея горѣло, на немъ видѣлась кровь, рубашка также была вся въ крови... Дива вела за собою лошадь, на которой прискакала сюда. Вѣнокъ она въ дорогѣ потеряла, одежда ея была въ беспорядкѣ... глаза сверкали гнѣвомъ. Красавица молчала; казалось, она никого не видитъ...

Женщины и мужчины окружили ее. Сестра припала къ ея груди, заливаясь слезами. Дива дрожала. Она долго еще не была въ состояніи произнести ни одного слова.

Самборъ открылъ настежъ ворота и взялъ изъ ея рукъ поводъ. Медленно шла она къ дому, ни на кого не обращая вниманія. Подойдя къ крыльцу, она опустилась на скамейку.

— Дива, какъ удалось тебѣ вырваться изъ его рукъ? обратились къ ней съ вопросомъ...

Она долго не отвѣчала. Живя принесла ковшъ воды. Дива напилась, вздохнула; изъ глазъ ея полились слезы.

Самборъ узналъ лошадь, примчавшую Диву: то была лошадь Домана. По ея шерсти струилась кровь красною лентою.

Дива долго еще молчала, наконецъ, какъ бы прїидя въ себя, проговорила:

— Да, онъ этого хотѣлъ!... Въмѣсто Дивы у него теперь Нія... Да, онъ этого хотѣлъ!... Я убила Домана... Зачѣмъ онъ вздумалъ взять меня силою!

Она посмотрѣла на брата и сдвинула брови.

— А вы! Вы всѣ не сдумѣли меня защитить... Я лучше васъ сдумѣла расправиться!... Отъ городища до Домановаго двора далеко. Онъ, злодѣй, держалъ меня въ объятяхъ... онъ крѣпко прижималъ меня къ своей груди.. Лошадь рвалась впередъ... Я хотѣла ему выпарапать глаза, но руки отказались помочь исполнить это желаніе. Крика моего никто не слыхалъ... Я дрожала отъ гнѣва... Онъ смѣлся, успокоивалъ все меня... Ножъ блестѣлъ за его кушакомъ... замѣтивъ его я умоляла. Ему показалось, что я успокоилась... Мы другъ другу смотрѣли въ глаза. Точно ребенка, утѣшалъ онъ меня обѣщаніями... я слушала... Онъ говорилъ, что изъ любви рѣшился взять меня силою... Нагнулся... хотѣлъ цѣловать... Ножъ очутился въ рукахъ у меня... Я вонзила ему въ грудь блестѣвшую сталь... Онъ схватился за рану и упалъ съ лошади... Слуги его были далеко... Лошадь помчалась и я прискакала домой...

Она посмотрѣла на братьевъ, молча выслушавшихъ ее разсказъ. Сестры закрыли лица руками.

— Братья Домана не простятъ намъ этого, проговорилъ Людекъ — кровью за кровь заплатить придется...

Дива молчала. Воцарилась полная тишина.

— Мнѣ здѣсь не оставаться — проговорила, наконецъ, Дива — съ вами я прощусь навсегда, уйду отсюда и болѣе никогда не вернусь... Меня не будетъ, и мести не будетъ... Пойду куда глаза глядятъ, куда судьба меня поведетъ...

Дива встала. Женщины снова начали плакать. Живя обняла сестру и вмѣстѣ съ нею вошла въ свѣтлицу.

Братья между тѣмъ совѣщались, на что имъ теперь рѣшиться. Дива долго не возвращалась. Она переѣхнула одежду, свила свѣжій вѣнокъ, собрала небольшой узелъ и затѣмъ обратилась къ плачущей сестрѣ:

— Прощай, дорогая, родная моя... прощай навсегда! говорила Дива своимъ пѣвучимъ голосомъ. Я должна идти, я должна бросить все... Куда глаза глядятъ, куда доля меня поведетъ. Я пойду на островъ, на Ледницу, въ храмъ Ніолы, стану у священнаго огня, буду его стеречь и плакать, пока глазъ моихъ хватить, пока они не погаснутъ... Или я жить перестану, или

огонь не будетъ горѣть — тогда конецъ моей мукѣ... А теперь, пойдемъ, сестра, я должна со всѣми проститься, съ домомъ, съ очагомъ, съ каждымъ угломъ, съ порогами, стѣнами, лошадьми, со всѣмъ, что живо или мертво, что я такъ любила...

Дива торжественно просталась со всѣмъ, заключавшимся въ домѣ ея родителей. Женщины сопровождали ее. Дива подошла къ огню и бросила въ него послѣднюю лучину:

— Прощай мой домашній очагъ, огонь мой... Не мнѣ уже помнить, заботиться о тебѣ; не освѣщать тебѣ болѣе моей прядки, не согрѣвать мое озябшее тѣло. Огонь отца, матери, братьевъ, сестеръ моихъ... свѣти имъ свѣтло, согрѣвай ихъ... Прощай...

Затѣмъ она подошла къ большому чану, въ которомъ приготавлился хлѣбъ.

— Здравствуй ты, съ дѣтства меня питавшій хлѣбомъ... Будь всегда полонъ, пусть люди тебя уважаютъ... Хлѣбъ твой не будетъ ужъ болѣе моей пищею...

Точно также Дива простилась съ порогомъ отцовскаго дома, съ избами, сараями, съ любимой буренушкой, съ овцами, лошадьми, даже съ собаками и колодцемъ, у котораго она брала воду. Подойдя къ колодцу, Дива взяла въ руки ведро, почерпнула воды и въ послѣдній разъ напилась... Обнявъ сестру, братьевъ, всѣхъ женщинъ по очереди, Дива простилась со всѣми, кланяясь въ ноги... Въ послѣдній разъ передъ нею открыли ворота и сейчасъ же закрыли, лишь только она очутилась за ними. Дива подошла къ рѣкѣ, къ большимъ камнямъ, на которыхъ любилъ сиживать ея отецъ,

Никто не смѣлъ спорить съ нею или отговаривать отъ этого путешествія. У забора стоялъ конь Домана, она велѣла пустить его на свободу.

Старая Вѣлиха и два парня должны были провести ее къ озеру. Самборъ вызвался быть четвертымъ.

Когда Дива въ послѣдній разъ обернулась въ сторону отцовскаго дома и замахала платкомъ — до нея донеслись душу раздирающіе крики и вопли женщинъ, которыя, сидя на землѣ, голосили по Дивѣ, словно по умершей.

А вдали слышенъ былъ лошадиный топотъ: конь Домана, выпущенный на волю, скакалъ къ своимъ.

Дива махала платкомъ. Бѣлыя птицы, щебеча, кружились надъ нею (стр. 157).

ГЛАВА XIII.

тромъ, на слѣдующій день, около Домановой хаты какъ-то пусто и тихо было. Къ воротамъ подъѣхалъ всадникъ и оставился у нихъ. Это былъ Мышко.

— Доманъ дома? спросилъ онъ у слуги, стоявшаго у воротъ.

Парень молчалъ.

— Господинъ твой дома? повторилъ Мышко.

Отвѣта опять не послѣдовало.

— Что жъ, онѣмѣлъ ты, что ли? крикнулъ Мышко, выведенный изъ терпѣнія упорнымъ молчаніемъ парня.

— А что-же мнѣ говорить? началъ тотъ, — Доманъ лежитъ въ постели, онъ раненъ, старуха ходитъ за нимъ... Живъ еще, да жизни-то въ немъ не много...

Мышко соскочилъ съ лошади.

— Кто ранилъ Домана?

Снова слуга не нашелъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ: ему совѣстно стало за своего господина. Ему казалось не ловкимъ сказать гостю всю правду, потому что рана, нанесенная рукою женщины, позорила, безчестила мужчину.

— Не знаю, уклончиво отвѣчалъ слуга, хотя... Доманъ на его глазахъ упалъ съ лошади.

Мышко посмотрѣлъ на парня съ недовѣріемъ, но, не разспрашивая болѣе, вошелъ во дворъ, — оттуда въ свѣтлицу.

Въ свѣтлицѣ царствовали полумракъ. У печки на корточкахъ сидѣла Яруха: шепча про себя, она что-то варила въ небольшихъ горшечкахъ.

Въ глубинѣ, на постели покрытой мѣхомъ, лежалъ Доманъ; съ полу-

закрытыми, обращенными къ потолку глазами, онъ, казалось, мало что видѣлъ изъ происходившаго вокругъ него; блѣдныя губы дрожали, грудь была обильно мокрыми тряпками.

Яруха обернулась къ вошедшему и указывая чернымъ, морщинистымъ пальцемъ себѣ на губы, безмолвно требовала соблюденія полнѣйшей тишины. Доманъ однако уже успѣлъ замѣтить присутствіе гостя: онъ вздрогнулъ, невнятно пробормоталъ нѣсколько словъ и слабымъ движеніемъ руки пригласилъ его приблизиться къ постели. Мышко подошелъ къ больному. Оба молчали: гость присѣлъ на постелѣ въ погахъ Домана.

Старуха между тѣмъ напилась воды и, захвативъ въ руку какой-то травы, направилась съ нею къ раненому; траву она положила ему на грудь, затѣмъ начала что-то нашептывать; въ заключеніе, поднявъ обѣ руки кверху, она плюнула сперва по одну, потомъ по другую сторону постели. Доманъ глубоко вздохнулъ.

Лежавшая на землѣ собака, услышавъ вздохъ своего господина, приподняла голову и вопросительно на него поглядѣла.

Мышко не раскрывалъ рта: онъ точно боялся заговорить съ больнымъ. Спусти нѣсколько времени, онъ подозвалъ Яруху.

— Кто его ранилъ? спросилъ онъ.

Яруха долго не отвѣчала, въ нерѣшимости тряся головою.

— Э!.. Кабанъ! сказала она, наконецъ.— Да! Дикій звѣрь... клыкомъ угодилъ ему въ грудь...

Мышко взглянулъ на старуху и только повелъ плечами.

— Можетъ быть и олень,—поправилась Яруха,—али другой какой ни на есть лютый звѣрь, мнѣ почему знать?.. На охоту поѣхалъ, съ охоты и принесли его... Ой, охота, охота! Хуже войны такая охота...

По лицу гостя видно было, что онъ не вѣрилъ ея словамъ. Вдругъ въ свѣтлицу вошелъ братъ Домана—Дюжій. Мышко всталъ и поздоровался съ нимъ. Яруха, оставаясь у постели больного, зорко слѣдила за ними. Мышко и Дюжій вышли на дворъ.

— Скажи мнѣ хоть ты правду—обратился Мышко къ Дюжему—что съ нимъ случилось такое, кто его ранилъ и гдѣ?

— Стыдно признаться, проговорилъ Домановъ братъ—ради дѣвки, Вишевой дочери, отправился онъ на Купалу... овладѣлъ ею и на лошади мчалъ домой... Она-то и вонзила ему въ грудь его же собственное оружіе—охотничій ножъ...

Дюжій поникъ головою: не мало стыда стоило ему это признаніе... Мышко сосредоточенно сдвинулъ брови.

— И убѣжала? спросилъ онъ, нахмурясь.

— Доманъ упалъ съ лошади... рана оказалась жестокою... Можетъ и жить-то не будетъ... Старуха впрочемъ заговорила кровь, зелье прикладываетъ—продолжалъ Дюжій,—ну, а дѣвка съ лошадыю улизнула домой...

Мышко не вѣрилъ ушамъ своимъ, слушая этотъ разсказъ. Дерзость

Дивы, безопасность ея похитителя, казались ему неправдоподобными. Онъ молчалъ...

— Кликни старуху—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья — спро-симъ ее: жить ли Доману, или ужь суждено ему погибнуть... Мнѣ, да и всѣмъ намъ онъ крайне нуженъ...

Дюжій сейчасъ же сдѣлалъ рукой знакъ появившейся у порога Ярухѣ, которая съ разсчитанною важностью, хотя видимо подъ хмѣлькомъ—подошла къ нимъ.

— Слушай ты, старая вѣдьма, — обратился къ ней Мышко — будетъ онъ жить?..

Яруха подняла голову, неопредѣленно покачала ею въ разныя стороны, затѣмъ опустивъ на грудь подперла ее ладонью и глубоко задумалась.

— Кто-жъ его знаетъ промолвила она наконецъ—развѣ я видѣла, какъ изъ него кровь вытекала?.. видѣла какъ его убить собирались?.. Дѣло свое я дѣлаю... Кровь заговорила, наговорила разнаго зелья, перевязала рану... а что если кто нибудь эту самую рану да проклиняетъ?... а то и глазу напустить собирается?..

Ничего больше не могъ отъ нея Мышко добиться; въ нерѣшимости что предпринять, онъ стоялъ и молчалъ. Между тѣмъ изъ свѣтлицы послышался зовъ:

— Эй, сюда!... Кто нибудь!..

Всѣ такъ и кинулись сразу. Доманъ, блѣдный, какъ полотно, приподнявшись на локтѣ, попросилъ пить. Яруха поднесла ему заранѣе приготовленный напитокъ, онъ припалъ къ нему съ жадностью, затѣмъ, напившись, обвелъ свѣтлицу глазами; брата онъ узналъ, но, замѣтивъ чужого человѣка, опустил глаза. Раненый все хватался за грудь, какъ будто бы его тамъ что-то давило. Мышко подошелъ къ нему.

— Вотъ видишь—проговорилъ Доманъ—я упалъ съ лошади... ну, и... наткнулся на ножъ...

Ему стыдно было поднять глаза.

— Я было думалъ, что конецъ наступилъ... а, какъ видишь, живу еще...

— Это я вѣдь тебѣ, ваша милость, кровь-то заговорила — отозвалась Яруха—еслибъ не я! Э-ге, ге!...

— Чѣмъ же совѣтъ вашъ кончился, Мышко? вопросительно обратился Доманъ, желая переменить разговоръ.

— Не теперь толковать съ тобою объ этомъ, коли нужно тебѣ лежать да залѣчивать рану...

— Поправлюсь, отвѣтилъ Доманъ — а не хочется, чтобы вы обо мнѣ позабыли... если есть у васъ только дѣло... Я не смогу — братья пойдутъ... мои люди... Скорѣе бы на ноги встать—дома не засижусь... Да на лошади и болѣзнь какъ рукою сниметь.

— Не скоро, не скоро еще можно будетъ подумать о лошади—сказала Яруха—рана откроется... кровь побѣжитъ... не было бъ тамъ меня, чтобъ помочь...

Никто не обратилъ вниманія на эти слова—старуха умолкла. Дюжій указалъ ей на дверь. Вѣдьма, ворча, поплелась изъ свѣтлицы.

— Плохо дѣло—началъ Мышко:—быть бѣдѣ, Доманъ. На вѣчѣ-то ни до чего не доболтались, а теперь, кажись, что и худшимъ запахло въ воздухѣ! Хвостокъ собираетъ большую дружину, найдется кое-кто у него... и изъ нашихъ... Говорятъ, послалъ даже за нѣмцами, да поморцами, чтобы къ нему съ помощью поспѣшали... Видно хочется ему всѣхъ насъ рабами сдѣлать...

— Намъ совѣтъ нуженъ...

— Первымъ дѣломъ, отвѣтилъ Доманъ:—необходимо избавиться намъ отъ тѣхъ, которые готовы стоять за него. . безъ этого ничего не выйдетъ ..

— Это-то вѣрно, замѣтилъ Мышко—кромѣ того, съ тѣми, что объявились открыто на его сторонѣ, справиться будетъ не трудно... Но вотъ, кто знаетъ, сколько ихъ въ тайнѣ-то съ нимъ подружилось? Старого Виша не стало....

Услышавъ имя стараго Виша, Доманъ опустилъ голову и молчалъ.

— Какъ бы тамъ ни было, а дѣло мірское не приходится оставлять... Всѣ отказываются стать во главѣ, опасаясь, что съ каждымъ можетъ случиться то, что случилось со старикомъ Вишемъ... Я ѣхалъ къ тебѣ посоветоваться, а ты...

— Э!.. что мнѣ врать, воскликнулъ Доманъ, какъ бы внезапно разсерженный чѣмъ-то. Онъ обнажилъ грудь, снялъ повязку и, съ загадочною улыбкою, указалъ пальцемъ на едва засохшую рану, формой своею напоминавшую оружіе, которымъ была нанесена.

— Смотри, Мышко,—говорилъ Доманъ—дѣвка, женщина—да, женщина сдѣлала это!.. Вишева дочь! Она вырвалась у меня изъ рукъ, проскользнула словно змѣя... Срамъ и стыдъ!.. Людямъ на глаза нельзя будетъ показаться, пока я ею снова не завладѣю... Да и какъ сохранишь тайну?.. Своя же челядь проболтается... Бабы еще на смѣхъ поднять!.. Правда, отбивая ее у брата, я его ранилъ... Но все же быть сраженнымъ рукою женщины!!!!...

Онъ упалъ на постель.

— Она будетъ твоею и тогда ты ей отомстишь, сказалъ Мышко.—Ты хотѣлъ ее въ жены... теперь обратишь въ рабыню или—убьешь... Что объ этомъ заботиться, успокойся...

— Будь у меня хоть немного силъ... дома не сталъ бы сидѣть... Стыдъ и эта постель жгутъ меня!

— Слушай-ка, Доманъ—ты съ кѣмъ?—спросилъ Мышко.

— Съ вами—отвѣтилъ Доманъ, затѣмъ, указавъ на брата, прибавилъ—онъ, я; всѣ мы люди!.. Мы, старые кметы, мы привыкли къ свободѣ, всю нашу кровь за нее готовы отдать... Князь первый нарушилъ миръ—ну, и пусть платится головою за это!..

— Пусть платится головою! повторилъ Мышко и всталъ. Больше нечего, да и не к чему слушать... Я удовлетворенъ!

Дюжій поднесъ ему кубокъ, наполненный медомъ. Гость, коснувшись его губами, взялъ Домана за руку.

— Пью за твое скорое выздоровленіе... Слово?

— Слово кмета... и клятва... съ вами, братья, я готовъ умереть... драться до послѣдняго...

Доманъ въ изнеможеніи опустился на изголовье. Мышко вышелъ на дворъ и вскочилъ на коня.

Яруха, вернувшись въ свѣтлицу, сейчасъ же подошла къ постели больного. Замѣтивъ обнаженную грудь и лежавшія на полу тряпки, она всплеснула руками.

— А еще говоришь, что выздоровѣть хочется твоей милости, пачала старуха:—баба пользуется—ея и слушаться надо...

Раненый не выразилъ никакого сопротивленія, когда знахарка по прежнему приложила ему къ груди мокрая тряпки и зелья. Разговоръ съ Мышко обезсилилъ его—онъ сейчасъ же заснулъ. Въ избѣ водворилась глубокая тишина.

Уже вечерѣло, когда Дюжій, стоя у воротъ, примѣтилъ какихъ-то всадниковъ, выѣзжавшихъ изъ лѣса: ихъ было четверо. Одинъ, повидимому, начальникъ, прямо направился къ жилищу Домана. Издали Дюжій узналъ его: то былъ Бумиръ, кметъ, живущій почти у самаго Гопла. Бумиръ, хотя и преклонныхъ лѣтъ, но еще видимо сильный, широкоплечій, обросшій жиромъ, съ руками и ногами громадной величины—своею наружностью напоминалъ свирѣпаго зубра. Темные, съ легкою просѣдью, волосы его окаймляли лицо совершенно круглое, отличительною чертою котораго были: лягушачьи ротъ и глаза. Доманъ, не долюбивавшій Бумира, вообще зналъ его очень мало; зачѣмъ онъ теперь пожаловалъ—угадать было трудно. Бумиръ, между тѣмъ, со всѣми людьми остановился у воротъ.

Издревле существовавшій обычай гостепріимства требовалъ: всѣхъ—милаго и не милаго—принимать подъ кровлю хозяйскаго дома. Бумиръ и Дюжій поздоровались.

— Сбился я съ пути—началъ Бумиръ—дозвольте у васъ отдохнуть. Намедни, подняли парни мои оленя... послали въ догонку стрѣлу... ранили... а онъ, возьми да и умчись съ нею въ лѣсъ... Нечистъ, что-ли, какая сидѣла въ звѣрѣ, только... обошелъ онъ насъ... Вторья вотъ сутки не можемъ выбраться: ходимъ да бродимъ по дебрямъ...

— Братъ мой раненъ—сказалъ Дюжій—онъ лежитъ въ постели; но домъ его радуется вашему пріѣзду.

— Я умѣю лѣчить раны—отвѣтилъ Бумиръ—пойду, посмотрю...

— За нимъ тамъ старуха ухаживаетъ...

Сося, слѣзъ Бумиръ съ лошади и, не спрашивая никого болѣе пошелъ къ избѣ.

— Сало, чѣмъ заливаютъ раны—у моей челяди—на ходу говорилъ Бумиръ—саломъ этимъ мы и помажемъ царапину, а дня черезъ три ея, такъ и слѣдъ протылъ...

Они входили въ избу. Доманъ, словно почуввъ чужого, беспокойно пошевелился. Яруха, дремавшая у огня—проснулась и плюнула; ее сердило, что больному не дадутъ успокоиться. Бумиръ, ни на что не обращая вниманія, прямо подошелъ къ Доману.

По одному взгляду, которымъ послѣдній окинулъ своего гостя, легко можно было заключить, что этотъ не слишкомъ пришелся по сердцу хозяину.

— Я заблудился въ лѣсу!.. Позволишь ли отдохнуть мнѣ, съ людьми, подъ твоимъ кровомъ? спросилъ Бумиръ и, не дожидаясь отвѣта, тяжело опустился на скамью.

Доманъ, движеніемъ руки, выразилъ своему брату желаніе, чтобы позаботились угостить вновь прибывшихъ. Бумиръ, безцеремонно разсѣвшись, положилъ свои громадныя локти на столъ.

— У моихъ людей есть сало; оно залѣчиваетъ самыя жестокія раны—проговорилъ онъ... Помнится, какъ-то, проклятый медвѣдь чуть было всей кожи мнѣ съ головы не содралъ, такъ саломъ этимъ я живо вылѣчился...

— Ваша милость—обратилась къ нему старуха—здѣсь болѣе ничего не надо... Кровь я заговорила, да и травы цѣлебныя есть у меня... Ничего больше не надо.

Больной оказался одного съ нею мнѣнія. Бумиръ умолкъ.

Дюжій вошелъ въ избу, держа въ рукахъ чашу съ медомъ и калачи на закуску; слуги несли за нимъ кубки. Гость съ жадностью принялся утолять мучившіе его голодь и жажду: нѣкоторое время только и слышно было, какъ онъ сопѣлъ, чавкая да прихлебывая. Яруха вышла на дворъ и отъ нечего дѣлать зубоскалила съ челядью. Дюжій осматривалъ лошадей; въ избѣ остались одни—хозяинъ и гость. Какъ видно, этого-то и ждалъ Бумиръ: онъ тотчасъ же подошелъ къ Доману.

— Эй, хозяинъ любезный—началъ онъ, наклонившись надъ постелью больного—вотъ ужъ нехстати и рана твоя и болѣзнь... Неладное дѣло у насъ творится... Намъ и людей и рукъ надо... Кметы, братья наши, вздумали бушевать; до сквернаго, поди, добушуются...

Больной поморщился.

— Что тамъ такое дѣлается? спросилъ онъ.

— Да, что? На князя-то нашего всѣ нападать начинаютъ... съ дуру должно полагать...

Доманъ не отвѣтилъ ни слова—онъ слушалъ.

— Погибнемъ всѣ, говорилъ Бумиръ—князя взбѣсили, вызовутъ месть его, призоветъ нѣмцевъ...

Замѣтивъ, что хозяинъ ему не противорѣчить, Бумиръ продолжалъ:

— Кметы составили заговоръ противъ князя... совѣщаются, собираютъ вѣче... и все это только изъ-за того, чтобы, смѣстивъ настоящаго князя, посадить на княжескій столъ одного изъ своихъ. О свободѣ они и не помышляютъ, тутъ дѣло исключительно въ овладѣніи княжескимъ скарбомъ... Мы это знаемъ. Но ошибаются... насъ довольно, мы стоимъ за князя и

грабежа не допустимъ... Нѣтъ, не бывать тому, воскликнулъ Бумиръ, удаляя кубкомъ о столъ.

Глаза его загорѣлись.

— Мышки княжить хотятъ, а намъ лучше съ этимъ, что теперь во градѣ сидитъ... По крайности знаемъ его... Новые-то, пока еще тамъ насытятся, на первыхъ порахъ, смотри, что и голодаѣе будутъ... Нѣтъ, не допустимъ!..

— Сосчитали ли вы своихъ? спросилъ Доманъ.

— Что намъ считать?.. Лешки—все наши, это ихъ дѣло, лишь бы между собою не ссорились... Кметовъ тоже довольно, тѣхъ, что хотятъ мирно жить... а шалить начнутъ—книжескіе слуги унять съумѣютъ!

Бумиръ, самъ того не замѣчая, сказалъ слишкомъ много. Медь оказалась свое дѣйствіе. Доманъ, гораздо хитрѣе своего гостя, давно ужъ предвидѣлъ къ чему клонится Бумирова рѣчь; онъ зналъ, что въ концѣ концовъ Бумиръ спроситъ—за кого онъ стоитъ? Совратъ не хотѣлось Доману, а правду сказать казалось ему слишкомъ опаснымъ. У полудикихъ народовъ инстинктивное чувство самосохраненія очень часто принимаетъ странныя формы. Доману пришло въ голову, для того чтобы избѣжать отвѣта, воспользоваться своею болѣзнію: въ ту минуту, когда Бумиръ окончилъ свою рѣчь, Доманъ схватился за грудь и началъ стонать...

Яруха прибѣжала на его голосъ.

Бумиръ молчалъ. Смѣнили повязки — больной жаловался на боль въ груди. Знахарка объявила, что ей необходимо рану заговорить и что въ это время въ избѣ никому постороннему нельзя оставаться. Старый Бумиръ, между прочимъ, до смерти боялся всѣхъ ворожей и знахарокъ-старухъ. Не окончивъ начатой рѣчи, онъ поспѣшно оставилъ избу, не теряя однако надежду, что предпринятое имъ ему удастся привести въ исполненіе послѣ того, какъ больному заговорятъ рану. Къ его огорченію, спустя довольно долгое время, Яруха явилась на дворъ и сказала, что больной заснулъ крѣпкимъ сномъ и спать будетъ до завтрашняго утра; будить же его, ни подъ какимъ предлогомъ не слѣдуетъ, иначе злые духи обратятъ болѣзнь на того, кто осмѣлится разбудить больного. Волей не волей, Бумиръ принужденъ былъ остаться на дворѣ, не добившись отвѣта, а чтобы имъ заручиться, приходилось ждать утра. На это у него не хватало ни времени, ни терпѣнія. Ему предстояло еще объѣхать много другихъ кметовъ, склонять, уговаривать ихъ; повидимому князь для этой цѣли его и послалъ... Бумиръ обратился къ Дюжему:

— Недосугъ мнѣ дожидаться до завтрашняго утра, сказалъ онъ съ явнымъ отгѣнкомъ раздраженія въ голосѣ. — Теперь Доманъ спитъ... Проснется, скажи ему—пусть хорошенько подумаетъ обо всемъ, что я ему передалъ сегодня... Выгоднѣе держаться сторонниковъ мира... Не забудь же напомнить ему объ этомъ, а мнѣ до ночи еще необходимо кое съ кѣмъ повидаться...

Такъ удалось Доману избавиться отъ навязчивости ненавистнаго ему человѣка. Бумиръ, ворча, сѣлъ на лошадь и отправился въ путь. Доманъ о снѣ и не думалъ: онъ только подговорилъ старуху, чтобы она помогла ему отдѣлаться отъ Бумира. Едва Доманъ слышалъ топотъ выѣзжавшихъ

двора всадниковъ, какъ привсталъ съ до крайности надоѣвшей ему постели, пробуя свои ослабѣвшія силы. Ярухѣ, въ расчетъ которой совсѣмъ не входило видѣть столь быстрый исходъ болѣзни, не малыхъ трудовъ стоило принудить Домана снова улечься. Онъ, впрочемъ, и самъ не замедлил почувствовать, что ноги ему еще плохо служатъ. Возобновился процессъ заговариванія—старуха вошла въ свою роль. Здѣсь, у Домана ей жилось хорошо: ѣды и питья было вдоволь, она и дѣлала все возможное, чтобы подольше казаться необходимой.

Ночь наступила. Доманъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ, когда въ избѣ появился новый гость.

Какимъ путемъ удалось ему пробраться въ избу — Яруха не могла разгадать.

Скорчившись у огня, она только было собиралась вздремнуть, какъ въ дверяхъ ей блеснулъ кошачій глазъ карлика Зноска...

Голова у него была обернута какими-то тряпками, изъ-подъ глазу сочилась кровь... Онъ появился столь неожиданно, что старуха, на первыхъ порахъ, испугалась—ей почудился домовой...

И не мудрено: надо была быть Зноскомъ, чтобы не считать за преграду ни воротъ на запорѣ, ни сторожевыхъ собакъ, ни расположившейся отдыхать на дворѣ челяди. Какъ удалось ему преодолѣть такія препятствія?... Это составляло его личную тайну. Очутившись въ избѣ, онъ тихонько подошелъ къ старухѣ, рукою указывая на свою раненую голову. Яруха попробовала снять повязки: онѣ оказались присохшими къ ранамъ; пришлось ихъ отмачивать. Зносекъ шипѣлъ отъ боли. Доманъ проснулся.

— Какъ стумѣлъ ты войти сюда, что тебя собаки не разорвали?—спросила вѣдунья, едва слышнымъ шопотомъ.

Зносекъ отвѣтилъ ей также тихо на ухо, что, провѣдавъ о ея пребываніи здѣсь, онъ положилъ себѣ во чтобы-то ни стало увидѣть ее, такъ какъ раны причиняли ему невыносимую боль.

Онъ сознался, что, не имѣя другого способа, вскарабкался на растущее у самого частокола дерево и по вѣтвямъ его спустился во дворъ. Тутъ, прокрадываясь среди спящихъ собакъ, онъ проползъ къ дверямъ хаты, ни-когда не запиравшимся.

Яруха, осмотрѣвъ его раны, начала плевать во всѣ стороны; при этомъ она бормотала какія-то безсвязныя слова. Затѣмъ, изъ находившагося при ней узелка, она достала пучекъ цѣлебныхъ травъ, смочила ихъ особою жидкостью изъ глиняннаго горшечка и, приложивъ все это къ пораненнымъ мѣстамъ, снова обвязала тряпками голову безобразнаго Зноска. Огонь потухалъ, въ избѣ съ трудомъ можно было различать предметы, но какъ разъ въ ту минуту, когда Зносекъ стоялъ на колѣняхъ передъ Ярухою, кончавшею перевязку,—лучина вспыхнула съ трескомъ и, открывъ глаза, онъ увидѣлъ незнакомую личность возлѣ старухи.

Чужой человѣкъ, не спросившись, осмѣлился переступить порогъ его дома... Это его взбѣсило.—Эй, люди!—громко крикнулъ Доманъ. Зносекъ попробовалъ было улизнуть незамѣченнымъ, но опоздалъ... Спавшая челядь

въ мигъ очутилась на ногахъ. Зносекъ упалъ ницъ на полъ. Раздались крики, лай собакъ, суетня и Зноска схватили. Слуги подвели схваченнаго къ своему господину.

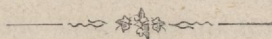
Объ этомъ странномъ созданіи, котораго Доманъ до тѣхъ поръ и въ глаза не видѣлъ — люди болтали, что оно зло, хитро и исполняетъ тайныя порученія князя. Говорили, что карликъ этотъ высматриваетъ, доноситъ князю все, что удастся ему подмѣтить или услышать; что онъ обладаетъ удивительною способностью войти, подкрасться, втереться всюду, гдѣ его менѣе всего можно было бы ожидать. Къ этому прибавляли, что ужъ одной наружности достаточно, чтобы опредѣлить каковъ онъ есть молодецъ.

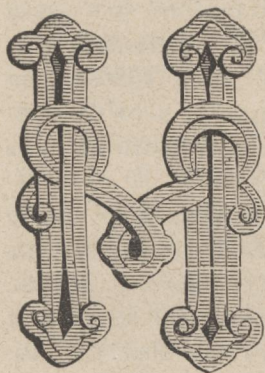
Доманъ въ припадкѣ гнѣва велѣлъ злосчастнаго карлу повѣсить на дубѣ. Зносекъ упалъ на колѣни, моля о пощадѣ. Яруха за него не вступилась, она только подтвердила, что онъ, дѣйствительно, вошелъ въ домъ Домана по поводу боли, причиняемой ему ранами на головѣ.

Слуги брались уже за веревку, чтобы исполнить приказаніе своего господина и вздернуть Зноска, котораго они все искренно ненавидѣли, къ самой вершинѣ громаднаго дуба, въ видѣ крупной желуди. Доманъ, однако, сжалился надъ плачущимъ у ногъ его Зноскомъ и велѣлъ его выгнать за дверь, натравивъ на него собакъ. Слуги потащили карлу къ порогу, свиснули собакамъ, натравили ихъ на полуживаго отъ страха Зноска и пустили его. Несчастный, окруженный сворой разсвирѣпѣвшихъ животныхъ, кусавшихъ его за что ни попало — Зносекъ летѣлъ — не бѣжалъ, по направленію къ изгороди: послѣ неимоверныхъ усилій удалось ему, наконецъ, увернуться отъ преслѣдовавшаго его непріятеля и вскочить на заборъ. Одна лишь собака, успѣвшая ухватиться зубами за ногу Зноска, не выпустила ее и тогда, когда Зносекъ уже сидѣлъ на изгороди: остервенѣвшій пестъ до тѣхъ поръ висѣлъ, уцѣпившись за свою жертву, пока не откусилъ ей всей пятки, схваченной его пастью. Зносекъ, перевалившись черезъ заборъ, исчезъ въ ночномъ мракѣ.

Яруха снова присѣла къ огню и, пожалуй, жалѣла, что Зноска не вздернули, потому что въ тѣ времена изъ повѣшенныхъ добывали лѣкарства, различныя цѣлебныя мази, а подобныя вещи ей бы всегда пригодились. Ее вѣдь никто не упрекалъ въ томъ, что карла именно ради нея пробрался въ избу: она и сидѣла спокойно у огня.

Между тѣмъ Зносекъ упалъ на землю у самой изгороди. Скрежеща зубами отъ боли, онъ кулакомъ угрожалъ Доману, проклиная его и весь домъ его. Онъ клялся ему отмстить, хотя бы самому пришлось жизни лишиться... А Зноску, княжескому наперснику, такого рода клятву не трудно было сдержать. Перевязавъ наскоро, кое-какъ, ногу, онъ на зарѣ направился къ сторонѣ лѣса; но, опасаясь новой бѣды, долго еще, оглядываясь на Доманову усадьбу, угрожая ей кулаками и съ яростью скаля зубы.

ГЛАВА XXIV.

а самой срединѣ озера Ледницы возвышался небольшой островъ, островъ священный, къ которому изда-лека, отъ береговъ Вислы, Одера и Лабы стекались путники съ приношеніями, а также за ворожбой и совѣтами.

Немного насчитывалось храмовъ и святынь на славянской землѣ. У Рановъ, на островѣ, находился храмъ Святовидъ, да другой въ честь того же бога, у Редаровъ; третій—Триглава, былъ у сербовъ надъ Лабою; четвертымъ считался въ Старгородской дубравѣ храмъ Прова. Къ нимъ отовсюду, особенно въ праздники, сходились толпами многія племена, языкъ которыхъ въ общемъ былъ сходенъ и разнился только нарѣчіями; одною изъ цѣлей подобныхъ сборищъ были и совѣщанія о средствахъ противъ общаго врага.

На островѣ озера Ледницы стоялъ храмъ Нін, именно тотъ, къ которому направилась Дива, желая укрыться отъ мести, и, кромѣ того, всю свою жизнь посвятить служенію у священнаго огня.

Только на третій день открылось глазамъ ея огромное озеро, которое путники привѣтствовали поклонами, потому что какъ островъ, такъ и самое озеро равно почитались священными.

Виднѣвшійся вдали островъ весь былъ покрытъ густымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Деревья заслоняли собою храмъ, и изъ нихъ его совсѣмъ не было видно. У самаго берега, на сваяхъ, нѣкогда погруженныхъ въ озеро, стояли рыбацкія хаты, невзрачныя, убогой наружности. Тутъ же, привязанныя къ сваямъ, колыхались на волнахъ небольшія лодки, съ помощью которыхъ рыбаки, обитатели бѣдныхъ хижинъ, перевозили путниковъ на островъ.

По преданію было извѣстно, что хижины этихъ бѣдняковъ издревле здѣсь находились, что нѣкогда было ихъ чрезвычайно много, что сваи занимали значительное пространство воды, а въ постройкахъ, возведенныхъ на нихъ, жили нѣкогда люди зажиточные, даже богатые, составлявшіе одну ко-

ловію. Но со временемъ сваи портились, подгнивали, строенія падали въ воду, люди переселялись на сушу и расходились въ разные стороны. Ко времени нашего разсказа изъ строеній всего осталось лишь нѣсколько.

У описанныхъ хижинъ Дива простилась съ провожавшими ее: наконецъ-то она могла считать себя въ безопасности и направиться туда, куда призывала ее судьба. Здѣсь представлялись лишними и друзья и подруги... Самборъ распростерся у ногъ ея на землѣ; онъ съ дѣтства привыкъ уважать и любить ее.

— Будь здоровъ, Самборъ,—проговорила Дива:—будь счастливъ... Передай мой поклонъ братьямъ, сестрѣ, всѣмъ... даже птицамъ, что порхаютъ надъ нашимъ домомъ.

Изъ ближайшей лачужки вышелъ сгорбленный старецъ, съ весломъ въ рукахъ. Не говоря ни слова онъ подошелъ къ лодкѣ, отцѣпилъ ее, сѣлъ и ждалъ. Дива поспѣшила къ нему... Они отвалили, и, скользя по зеркальной поверхности озера, плавно подвигались впередъ. Оставшіеся на берегу слѣдили за ними глазами. Старуха няня рыдала. Дива махала платкомъ. Бѣлыя птицы, щебеча, кружились надъ нею, словно бы утѣшали въ ея прощаніи на вѣки со всѣмъ, что было дорого ея сердцу. Лодка между тѣмъ все плыла. Уже съ трудомъ можно было различать очертанія сидящихъ въ ней; видѣлась только бѣлая рубаха Дивы и такое же бѣлое ея личико; затѣмъ только свѣтлое пятнышко на темномъ фонѣ воды... Еще мгновеніе и даль скрыла Диву отъ глазъ любящихъ, преданныхъ ей людей. Лодка, вздрогнувъ, толкнулась о берегъ... Старикъ вышелъ первый и придержалъ лодку... Два камня торчали по близости... Дива по нимъ добралась до суши.

На островѣ царствовала мертвая тишина... Только одни соловьи насвистывали свои пѣсни въ кустахъ. Въ разныхъ направленіяхъ вились узенькія тропинки — слѣды человѣческихъ ногъ.

Дива неторопливо шла; она чувствовала себя у цѣли своего путешествія.

Въ чащѣ встрѣтился ей на пути небольшой лужокъ. Здѣсь группами сидѣли люди и молча подкрѣплялись принесенною съ собою пищею.

По ихъ одеждѣ, неодинаковаго покрою и цвѣта, видно было, что сошлись они сюда изъ различныхъ странъ. Были здѣсь, во многомъ схожіе между собою, Сербы, живущіе по Лабѣ, Вильки, Седары; были и Далеминцы, Украинцы, Лучане, Дулебяне, Древляне изъ Дранеданскихъ лѣсовъ, здѣшніе Поляне, Лужане, живущіе по Вартѣ и Одеру, Бужане изъ прибугскихъ странъ, Хорваты и иные представители племенъ, которыхъ всѣхъ перечислить трудно. Каждое племя носило свое особое имя, хотя всѣ вели начало отъ одного общаго корня. По истинѣ пріятное впечатлѣніе производили эти люди, легко понимавшіе другъ друга, хотя до тѣхъ поръ никогда и нигдѣ не встрѣчавшіеся. У каждого изъ нихъ были свои характерныя отличія, на первый разъ иногда возбуждавшія удивленіе, но никогда не мѣшавшія имъ сознать себя дѣтьми одной престарѣлой матери.

Дива спокойно прошла среди нихъ. Всѣ съ любопытствомъ слѣдили глазами

за стройною красавицей. Съ лужайки святыни была еще не видна; чаща заслоняла ее отъ нескромныхъ взоровъ. Только войдя въ самую глубь лѣса Дива замѣтила первую каменную ограду святыни. Громадные камни стояли молчаливо, угрюмо, въ томъ видѣ, въ какомъ создала ихъ природа, а море прибило своими волнами... Человѣческая рука не касалась ихъ внѣшности, хранившей на себѣ отпечатокъ цѣлаго ряда столѣтій. Камни эти, словно окаменѣвшіе сторожа святыни, на равныхъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ, представляли собою непрерывную цѣпь, тянувшуюся, казалось, до безконечности, въ обѣ стороны.

На одномъ изъ камней сидѣла женщина вся въ бѣломъ, съ задумчивымъ лицомъ. Серебристые волосы, на которыхъ виднѣлся зеленый вѣнокъ—свидѣтельствовали о ея лѣтахъ. Въ рукахъ у нея была длинная палка, видомъ коры своей напоминавшая извивающуюся змѣю. Бѣлая одежда была разукрашена рядомъ блестящихъ пуговицъ. На лицѣ старой женщины, спокойномъ, покрытомъ морщинами—жизнь казалось завяла, полуумерла: видно было, что ей ни смерть не страшна, ни жизнь не дорога.

Дива поклонилась старухѣ.

Старуха медленно подняла глаза на красавицу и, не произнеся ни одного слова, указала ей рукою по направленію вправо, гдѣ за оградой виднѣлась небольшая тропинка, послѣ чего снова погрузилась въ полудремоту.

Дива пошла по указанному направленію. На пути, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ограды, попался ей старикъ небольшого роста, весь въ бѣломъ, съ длинною бѣлою палкою въ рукахъ. На головѣ у него была высокая шапка.

Нахмутивъ сѣдыя брови, старикъ пытливо смотрѣлъ на приближавшуюся къ нему дѣвушку. Дива привѣтливо поклонилась.

— Ты здѣсь отецъ и господинъ?... спросила она.

— Я, Визунъ... Да...

— Я пришла съ просьбою пріютить меня—начала Дива я желаю сохранить священный огонь Ніи... Въ дѣтствѣ еще я поклалась служить богамъ!

Старикъ спокойнымъ взоромъ окинулъ красавицу и слушалъ. Просьбу свою Дива произнесла взволнованнымъ голосомъ. Щеки ея зарумянились.

— Ты спрота? спросилъ онъ.

— Да... Но еще недавно у меня были и отецъ и мать, теперь у меня остались сестра и братья... Кметъ Вишъ былъ моимъ отцомъ... Виша убили княжескіе слуги...

Визунъ, видимо, заинтересовался ея рассказомъ.

— Сосѣдъ нашъ хотѣлъ меня силою увести... хотѣлъ, чтобъ я была его женою... я убила его, защищаясь... Изъ боязни, что меня будутъ преслѣдовать, я пришла сюда...

— Ты убила? вскричалъ удивленный Визунъ—ты? ты убила?... Какъ звали этого человѣка?

— Доманъ! отвѣтила дѣвушка и вся отъ стыда покраснѣла.

— Доманъ! Доманъ! твердилъ старикъ, ломая руки.. Еще ребенкомъ я лелѣялъ его на своихъ рукахъ...

Старикъ сильнѣе нахмурилъ брови.

Дива поблѣднѣла; ей показалось, что ее непременно прогоняютъ, а этого она боялась больше всего на свѣтѣ. Старикъ молчалъ.

— Доманъ убить! мысленно повторялъ Визунъ.—Погибъ отъ руки женщины...

— Говори сейчасъ, какъ ты его убила! обратился онъ къ Дивѣ. Дрожащимъ голосъ рассказала красавица старику свою печальную повѣсть, стараясь оправдаться въ его глазахъ клятвою, данною ею богамъ еще въ дѣтствѣ, и насиліемъ Домана. Визунъ нѣсколько разъ переспрашивалъ—увѣрена ли она, что Доманъ убить, а не раненъ... Онъ не могъ свыкнуться съ тѣмъ, что Домана нѣтъ въ живыхъ...

— Позволь мнѣ здѣсь остаться! умоляла Дива.

Старикъ долго не отвѣчалъ ей: онъ думалъ.

— Оставайся, сказалъ онъ наконецъ, но ты и слишкомъ молода и слишкомъ красива для здѣшняго образа жизни... Ты, вѣдь, поди, еще и самой себя-то не знаешь.. соскучишься... начнешь тосковать... Оставайся, какъ гостя .. Иначе я тебя не хочу... Боль сердца пройдетъ и ты уйдешь!.. уйдешь!

— Нѣтъ! нѣтъ! отвѣчала Дива —останусь...

Визунъ грустно улыбнулся и рукой указалъ ей тропинку, ведущую въ храмъ.

Дива весело по ней побѣжала. На пути ей встрѣтились частоколъ и ворота. Частоколъ сдѣланъ былъ изъ кольевъ, сплошь покрытыхъ рѣзбою. Столбы воротъ были также рѣзные, но притомъ окрашенные въ различные цвѣта: бѣлый, красный, желтый... Подъ навѣсомъ, покрывавшимъ, въ видѣ небольшой крыши, ворота—висѣли вѣнки: нѣкоторые были засохши, другіе—свѣжи и зелены. Сейчасъ за воротами начиналась дорожка, вся усыпанная зелеными листьями.

Неподалеку, въ красиво выдолбленномъ пнѣ помѣщалась свѣжая, ключевая вода, чистая какъ слеза. Тутъ же лежалъ и небольшой ковшъ.

Дива, зачерпнувъ воды, напилась.

— Новая вода, святая вода! воскликнула она съ восторгомъ. За воротами ей попался весьма на Визуна похожій старикъ, который, замѣтивъ Диву, скрылся среди деревьевъ. Дорога пролегала между двумя оградами, изъ которыхъ вторая была еще красивѣе первой отдѣлана и окрашена.

На ней висѣли кожи, мѣхъ, разное оружіе—все приношенія навѣщавшихъ храмъ путниковъ. Во второй оградѣ были ворота; входить въ нихъ нужно было по каменной лѣстницѣ. Здѣсь господствовалъ полумракъ: высокая ограда и густая листва деревьевъ мѣшали доступу дневнаго свѣта.

Здѣсь возвышался храмъ. Святыня Нии покоилась на столбахъ; крыша была деревянная. Между столбами ярко-краснаго цвѣта, съ желтыми коими, висѣли суконныя красныя занавѣси. Стѣнъ совсѣмъ не было.

Когда Дивѣ пришлось поднять занавѣсъ, чтобы войти туда, откуда ужъ пѣтъ возврата, откуда, по ея же словамъ, она никогда и не пожелаетъ выйти—сердце красавицы сжалось необъяснимою болью. Въ послѣдній разъ Дива взглянула на Божій свѣтъ, на окружающую природу, въ послѣдній разъ прислушалась къ пѣнію соловья и дрожащею рукою подняла занавѣсъ, который безшумно раздвинулся надъ ея головою.

Дива вошла въ храмъ. Сперва ей показалось, что она попала въ совершенную темноту, такъ какъ глаза ея, съ переходомъ отъ свѣта, ничего не могли различать.

На нее пахнуло теплымъ, удушливымъ воздухомъ, переполненнымъ запахомъ смолы, янтара и сожженныхъ душистыхъ травъ. Постоявъ немного и освоившись съ освѣщеніемъ храма, она увидѣла жертвенникъ. Вокругъ него расположенъ былъ рядъ камней, окружавшихъ очагъ, на которомъ небольшимъ пламенемъ горѣлъ священный огонь. Дымъ и искры взлетали къверху. У самого огня неподвижно сидѣли двѣ бѣлыя фигуры, походившія на мраморныя изваянія.

Дымъ не позволялъ ей разглядѣть хорошенько какого-то чудовища, возвышавшагося почти до самой крыши. Черное, безформенное—оно имѣло ужасный видъ. У ногъ его валялось нѣсколько бѣлыхъ череповъ. Рядомъ съ нимъ висѣли ножи, мечи, стрѣлы, какіе-то трофеи: само же чудовище было обвѣшано нитками янтара и красныхъ бусъ.

Въ головѣ его, вмѣсто глазъ, виднѣлись два красные камня, сіявшіе страннымъ блескомъ. Казалось, весь колоссъ сосредоточился въ этихъ глазахъ: они пугали, преслѣдовали каждого, кто входилъ въ святиню; они обладали способностью одновременно смотрѣть во всѣ стороны; свѣтъ огня, отражаясь въ нихъ, придавалъ имъ угрожающій видъ: они представлялись живыми, полными гнѣва.

Въ храмѣ царствовала мертвая тишина... Изрѣдка только нарушалъ ее трескъ горящей лучины, да чирикание птицъ, которыя, пробравшись во внутренность храма, бороздили по всѣмъ направленіямъ воздухъ, нетерпѣливо отыскивая выходъ.

Дива, подѣ обаяніемъ неотразимыхъ глазъ чудовища, стояла какъ вкопанная. Наконецъ, она рѣшилась подойти ближе къ огню.

— Такъ вотъ гдѣ мнѣ жить придется! подумалось ей.

Никого не спрашивая, ни на что не обращая вниманія, Дива подошла къ жертвеннику, въ сосѣдствѣ двухъ дѣвушекъ, подобно ей посвятившихъ себя служенію при храмѣ, и, поднявъ лучину съ земли, положила ее въ огонь.

Одна изъ сосѣдокъ хотѣла было помѣшать этой жертвѣ—но опоздала. Лучина Дивы ярко горѣла—красавицѣ представлялось, что то ея собственная жизнь горитъ, исчезаетъ... Двѣ женщины взглянули на нее съ любопытствомъ; Дива, какъ будто, смутила ихъ. Пламя костра освѣщало ихъ лица: обѣ были печальны, блѣдны, точно цвѣты, преждевременно поблѣвнувшіе.

Всматриваясь въ красивое, полное жизни личико Дивы, обѣ женщины шептались между собою, повидимому, жалѣя красавицу, попавшую въ храмъ

— Темно! темно! ничего не вижу, начала Дива. (стр. 166).

Онѣ не рѣшались заговорить съ нею и только покачивали головами. Казалось, онѣ смотрѣли на нее, какъ на осужденную. Дива, глазами уставившись на огонь, сидѣла недвижно — она отдыхала.

Смѣняя другъ-друга, являлись все новыя женщины; одна только Дива всю ночь не отошла отъ огня, время отъ времени бросая въ него лучины. Спать ей совсѣмъ не хотѣлось: мысленно прощаясь она съ своимъ прошлымъ, съ жизнью своей, а красные глаза словно грозили ей въ будущемъ.

Прошелъ день, другой... Дива если и выходила, то только чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Тогда сейчасъ же ее окружали другія женщины, оглядывали со всѣхъ сторонъ, улыбаясь—приставали съ разспросами; также и путники, наслышавшись о красавицѣ, непремѣнно желали ее увидѣть. Все это заставляло Диву предпочитать уединеніе темнаго храма, откуда она все рѣже и рѣже начала отлучаться. Безконечныя приставанія интересовавшихся ею судьбою и личностью до-нельзя ей надоѣли.

Со втораго же дня жизни Дивы на островѣ, старуха съ вѣнкомъ на головѣ, первая указавшая Дивѣ дорогу въ святилище, встрѣтивъ красавицу, начала ее распрашивать о ея прошломъ. Дивѣ, волей-неволей, пришлось рассказать ей свою печальную повѣсть. Старуха слушала, хотя не трудно было замѣтить, что судьба рассказщицы мало ее занимала. Дива надѣялась встрѣтиться у храма кипучую жизнь, украшенную мечтами и пѣснями, а встрѣтилась лишь съ гробовой тишиной и какимъ-то давящимъ свинцовымъ чувствомъ на лицахъ всѣхъ женщинъ, изнуренныхъ окружающимъ ихъ однообразіемъ. Службу свою онѣ исполняли какъ-то безмысленно, молча; дни проходили за днями, среди мертвящей, притупляющей нервы полудремоты и апатіи. Пришелъ однажды навѣстить Диву и старикъ Визунъ — старуха оставила уже храмъ, — и окидывая красавицу грознымъ взглядомъ, снова началъ распрашивать про Домана.

Дива, нечего дѣлать, вторично изложила ему все происшедшее.

— Мнѣ жалъ Домана, сказалъ Визунъ, выслушавъ ее со вниманіемъ, — онъ былъ еще ребенкомъ, когда я его зналъ, я носилъ его на своихъ рукахъ. Онъ обѣщалъ быть хорошимъ малымъ... И пришлось же ему погибнуть не на войнѣ, не на охотѣ, а отъ руки женщины... Страмъ и позоръ!

— Что же мнѣ было дѣлать... Неужели не защищаться? спросила Дива. Дикій звѣрь, червь ничтожный, и тѣмъ дано подобное право! Женщина, стало быть, лишена его?..

Старикъ не сразу отвѣтилъ; нахмурившись, онъ окинулъ ее дикимъ взоромъ.

— Ты его, надо быть, ранила... но, чтобъ убить!... Нѣтъ, нѣтъ, этого не могло случиться, прибавилъ онъ.

Визунъ требовалъ, чтобы Дива обстоятельно объяснила, какъ именно она вонзила Доману ножъ; но бѣдная дѣвушка сама теперь не могла понять происшедшаго, тѣмъ болѣе не сумѣла бы рассказать, откуда у нея явилось столько силы и мужества. Она молчала.

На слѣдующій день послѣ разговора ея съ Визуномъ, какъ будто бы

въ наказаніе, заставили ее исполнять самую тяжелую работу: она должна была носить дрова, воду, мести и мыть храмъ, прислуживать всѣмъ. Наконецъ, приказали ей дѣлать то, чего она и дома никогда не дѣлала — заставили ее варить пищу для другихъ. Перепадало не мало ей колкостей, разныхъ двусмысленныхъ улыбокъ; при этомъ старшія изъ ея подругъ при всякомъ случаѣ оказывали ей явное пренебреженіе. Дива все это переносила молча, ни вздохомъ, ни жалобой не сѣтуя на своихъ подругъ. Этимъ избавилась она отъ назойливыхъ женщинъ, которыя, замѣтивъ, что колкости ихъ и насмѣшки, мало дѣйствуютъ на красавицу рѣшились оставить ее въ покоѣ.

Каждый почти день причаливали къ острову лодки, переполненные путниками, изъ которыхъ одни являлись сюда съ желаніемъ узнать будущее, другіе съ цѣлью принести жертву Ниу. Дива сторожила у огня въ очередь и внѣ очереди. Здѣсь она была совершенно какъ у себя дома. Никто не мѣшалъ ей смотрѣть на уносящійся столбъ густаго дыма, мечтать, не заботясь о томъ, что ее окружало.

Пищу для храмовыхъ женщинъ обыкновенно приготовляли два раза въ день, всего было вдоволь. Остатками кормили несмѣтные количества разныхъ птицъ, тысячами кружившихся около храма.

Прошло уже десять дней съ того времени, когда Дива въ первый разъ сѣла у священнаго огня и бросила въ него первую лучину. Тогда ее считали послѣдней, теперь она стала первою: всѣ какъ-то невольно начали ей подчиняться... Дива явилась сюда не съ тѣмъ, чтобы управлять или царствовать, между тѣмъ власть какъ-то сама попала въ ея руки; другія женщины, сами того не замѣчая, признавали въ ней какъ бы свою начальницу; въ лицѣ ея восторжествовали тѣ прекрасныя свойства души, которыя всегда и всюду заставляютъ любить и уважать одареннаго ими человѣка. Лѣнныя, вѣчно полусонныя женщины, отдали въ ея руки власть, безпрекословно слушаясь ея повелѣній. Она управляла, заботилась о нихъ, работала и пользовалась ихъ любовью. Съ нѣкоторою боязнью, отчасти съ завистью, смотрѣли остальные женщины на прелестную красавицу, до того она была хороша собою; природа, словно, создала ее для царства и власти.

Однажды, по обыкновенію, Дива сидѣла у священнаго огня. Вдругъ среди господствовавшей здѣсь тишины послышались около храма, разносясь по всему острову, какіе-то странные крики; замѣтна была суетня; шаги торопливо бѣгающихъ въ разные стороны людей звонко отдавались въ воздухѣ; шумъ увеличивался съ каждою минутою. Диву, успѣвшую уже прыгнуть къ однообразію окружавшей ее обстановки — крики эти глубоко поразили. Внезапно поднялись занавѣси, скрывавшія внутренность храма и между двумя столбами, почти у самаго огня, показался Визунъ въ праздничномъ облаченіи, въ кону сообразномъ колпакѣ на головѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ мужчина высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, воспаленное лицо котораго испугало Диву. На незнакомцѣ былъ красный плащъ, окаймленный золотою лентою и покрытый свѣтящимися блестками. Съ лѣвой

стороны, подъ плащомъ, видѣлся широкій мечъ. Видъ этого человѣка, похожаго на дикаго звѣря, съ глазами, выражавшими кровожадность, и чувственными губами, вызвалъ въ душѣ Дивы впечатлѣніе подавляющихъ страха и ненависти. Она охотно бы убѣжала, если бы это было возможно.

Незнакомецъ, не снимая съ головы украшеннаго перьями колпака, не поклонившись огню и Нія, не обращая на нихъ никакого вниманія—разсматривалъ сидящихъ у огня женщинъ. Долго онъ пожиралъ глазами то ту, то другую, но разъ остановившись на Дивѣ, не могъ отъ нея оторваться. Онъ сказалъ что-то шопотомъ Визуну въ отвѣтъ, на что послѣдній встряхнулъ головою. Повидимому Визунъ не хотѣлъ исполнять приказанія. Незнакомецъ настаивалъ на своемъ. Наконецъ, онъ два раза ударилъ старика по плечу, силою втолкнувъ во внутренность храма.

Старикъ нерѣшительными шагами подошелъ къ Дивѣ и, наклонившись къ ней, сказалъ:

— Это нашъ милостивый князь... Онъ хочетъ, чтобъ ты ему ворожила.

— Я ворожить не умѣю,—отвѣчала красавица,—ворожбѣ не прикажешь... она—наитіе духовъ... во мнѣ его нѣтъ...

Въ эту минуту съ другой стороны подошла къ ней Нанія и шепнула ей на ухо.

— Ворожи, я напою тебя зельемъ... Ворожи... только говори лишь худое—это злой человѣкъ... Мы закуримъ сейчасъ оніамъ... Начинай, говори ему смѣло, что на умъ взбредеть... Онъ не посмѣетъ ничего тебѣ сдѣлать...

При этихъ словахъ старуха вынула сухія душистыя травы, а на землю поставила желѣзный треножникъ съ углемъ. На уголья Нанія бросила горсть сухой травы и густой, наркотическій дымъ окружилъ, точно облакомъ, наклонившуюся надъ треножникомъ Диву. Долго бѣдной пришлось терпѣть незнакомое ей мученіе. Она чувствовала, какъ какой-то хаосъ поднимался въ ея головѣ; дымъ казался сонмомъ чудовищъ; наконецъ, Дива потеряла сознаніе всего окружающаго—ей представилось, что попала она въ иной, невѣдомый міръ... силы ея слабѣли...

Двѣ женщины поддерживали ее, безъ чего она навѣрно упала бы на полъ. вмѣстѣ съ упадкомъ силъ; Дива почувствовала въ себѣ громадную силу воли. Ей казалось, что она царица, что съумѣетъ преодолѣть всѣ преграды...

Въ такомъ состояніи повели красавицу передъ княземъ, который стоялъ у чостокола при входѣ въ храмъ.

Дива, остановивъ на немъ пристальный взглядъ, силою воли заставила его опустить глаза. Князь вздрогнулъ.

— Будешь ворожить?—произнесъ онъ вполголоса.

— Буду,—отвѣтила Дива.—Да, я буду тебѣ ворожить...

Передъ Дивою поставили широкій сосудъ съ священной водою. Дива

нагнулась надъ нимъ и начала всматриваться... Она увидѣла, отраженнымъ въ водѣ, безобразное лицо Хвостка.

Тотъ не спускалъ съ нея глазъ. Сначала онъ имѣлъ видъ челоуѣка, проницески относящагося ко всему, что передъ нимъ совершается, но постепенно лицо его стало блѣднѣть и все болѣе замѣтная дрожь начала пробѣгать по тѣлу.

Стоявшій рядомъ Визунъ, повелительнымъ взглядомъ, казалось, хотѣлъ вдохнуть въ дѣвушку то, что слѣдовало ей говорить.

Минута томительнаго молчанія предшествовала ворожбѣ.

— Темно! темно! ничего не вижу...—начала Дива,—но вотъ... вижу красную струю... словно кровь течетъ... да... дѣйствительно кровь... всюду кровь... По рѣкѣ плывутъ трупы, одинъ, другой... больше... больше... тусклые ихъ глаза ничего не видятъ... Снова кровь... потомъ чаши... дальше мечи блестятъ... Слышу крикъ: кровь за кровь!... По рѣкѣ плыветъ пара выколо-тыхъ глазъ... смотреть на меня... на кострѣ лежитъ убитый старикъ... у столба молодой парень, на озерѣ убитые воины—всѣ кричатъ: кровь за кровь!.. Собаки воютъ, вороны каркаютъ... кровь за кровь!..

Князь не выдержалъ: онъ стремительно кинулся къ Дивѣ, такъ что частоколъ затрещалъ.

— Э, ты, ворожея проклятая,—вскрикнулъ онъ:— не начнешь ли ты иначе видѣть и ворожить?..

— Не могу... Я говорю то, что велятъ говорить мнѣ духи... Князь стоитъ въ свѣтлицѣ... высоко... высоко... внизу люди убиваютъ другъ дру-га... крикъ, шумъ, кровь льется струею... Я слышу шумъ: собирается вѣче... на границѣ враги, дома свои бьются... Въ городъ! На столбъ! Кровь за кровь!... Столбъ горитъ, городъ горитъ... стѣны, крыши — все рушится... цѣлая гора труповъ... вороновъ цѣлая туча... Усѣлись, каркаютъ... клю-ютъ сердца тѣлъ, еще не остывшихъ... Кровь за кровь!.. Дива не была въ состоянiи продолжать; она лишилась чувствъ и упала на руки прислужницъ. Князь дрожалъ всѣмъ тѣломъ: онъ сжималъ кулаки, скалилъ свои громад-ные зубы, точно дикiй звѣрь, собирающийся броситься на добычу... Хвостекъ ударилъ ногою сосудъ: онъ опрокинулся—священная вода разлилась. Тѣмъ временемъ Диву снесли въ храмъ.. Хвостекъ молчалъ и только скрипѣлъ зубами.

Визунъ спокойно ждалъ.

— Проклятую эту ворожею связать да наказать поспѣльнѣе плетъми! кричалъ Хвостекъ внѣ себя отъ злости. — Въ яму ее, въ темницу, пусть учится ворожить!..

На этотъ бѣшенный крикъ не послѣдовало отвѣта. Женщины всѣ разошлись. Князь искалъ глазами своихъ людей, но нигдѣ не могъ ихъ замѣтить.

Визунъ безстрастно наблюдалъ за каждымъ движенiемъ князя.

— Успокойся,—проговорилъ наконецъ старикъ—кто хочетъ знать бу-

дущее, долженъ довольствоваться тѣмъ предсказаніемъ, какое внушаютъ духи... Дѣвушка въ немъ не отвѣтственна...

Кругомъ никого не было. Визунъ пододвинулся къ князю, вовсе не пугаясь его грознаго вида.

— Князь милостивый,—продолжалъ онъ: — у тебя и безъ того много враговъ, да и обиженныхъ тобою не мало, не увеличивай числа тѣхъ и другихъ, поднимая руку на то, что не одни лишь поляне чтутъ... Мѣсто здѣшнее—свято... дѣвушка тоже освящена...

Яростный хохотъ раздался въ отвѣтъ на эту рѣчь; Хвостекъ подошелъ къ старику и, дрожащею отъ гнѣва рукою, схватилъ его за бороду.

— Священное мѣсто... Священный огонь!.. Освященная дѣвушка!.. — разразился Хвостекъ — и ты тоже... старый песъ... Я ваши огни потушу... я разгоню вашихъ женщинъ... храмъ вашъ съ землею сравняю...

Старикъ даже не поблѣднѣлъ... Онъ равнодушно молчалъ... Князь опустилъ руку.

— Точно нѣтъ грома и молніи,—проговорилъ Визунъ спокойно: — ты можешь дѣлать, что вздумаешь... Духи съумѣютъ себя защитить... Разумно ли затѣвать борьбу съ богами, коль и съ людьми дѣла-то много!

Хвостекъ не отвѣчалъ; порывисто поднялся онъ съ мѣста и вышелъ изъ ограды, шатаясь. Князь возвращался къ своимъ. Визунъ стоялъ у воротъ и смотрѣлъ вслѣдъ уходившему князю.

Въ тотъ день на островѣ, около храма, скопилось много народа. Всѣ слышали крикъ разъяреннаго Хвостека, слышали какъ онъ угрожалъ святынь, такъ что, когда князь, пробираясь въ толпѣ направился къ своимъ смердамъ и слугамъ—вокругъ него уже поднимался глухой ропотъ неудовольствія. Народъ зашумѣлъ, подобно взволнованному морю... Не успѣлъ Хвостекъ дойти до каменной ограды, опоясывающей храмъ — люди начали собираться кучками, словно желая его задержать.

Визунъ ли сдѣлалъ имъ знакъ рукою, призвалъ ли онъ ихъ на защиту храма—трудно рѣшить, но масса лицъ, изъ числа бывшихъ на островѣ, угрожающе двинулась на встрѣчу Хвостеку. Остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи, они сурово глядѣли на властелина. Князь велѣлъ своимъ слугамъ разогнать непокорныхъ—но послѣдніе разогнали княжескихъ слугъ. Хвостекъ очутился одинъ противъ этой толпы, совершенно ему незнакомой. Толпа бушевала. Такъ стояли они другъ противъ друга: ни князь не трогался съ мѣста, ни толпа не рѣшалась броситься на него. Наконецъ изъ нея вышелъ мужчина, не первой молодости, одѣтый довольно богато, вооруженный иноземнымъ оружіемъ—и подошелъ къ князю.

— Князь,—началъ онъ, обращаясь къ Хвостеку: —я пришелъ поклониться храму, я не твой... не изъ здѣшней страны! Ты, слышалъ я, угрожаешь и храму и священному огню, а права на это у тебя нѣтъ никакого. Храмъ и островъ принадлежатъ ни тебѣ, а намъ всѣмъ: Вилькамъ, Сырбамъ, Лужичанамъ, Древлянамъ и многимъ, многимъ еще говорящимъ одною

рѣчью. Не смѣй дотронуться до святыни, иначе посмѣемъ мы тронуть твой столъ и городъ!...

Онъ поднялъ руку, толпа загудѣла, выражая свое согласіе и угрозы.

Хвостекъ стоялъ, сжимая въ своей рукѣ рукоять меча, какъ бы на-мѣреваясь кинуться на находившуюся предъ нимъ живую стѣну. Но что могъ онъ сдѣлать одинъ, противъ этой толпы, которая бы мгновенно его поглотила?

Наконецъ князь, сдвинувъ брови, сдѣлалъ угрожающій жестъ рукою и крикнулъ:

— Съ дороги прочь!..

И первый тронулся съ мѣста съ такою увѣренностью, какъ будто шелъ во главѣ пѣлаго войска. Толпа раздалась... Вслѣдъ за Хвостекомъ въ оди-ночку, пробирались и его слуги. Не торопясь, не оборачиваясь назадъ, миновалъ онъ толпу, которая только тогда, когда Хвостекъ ужъ былъ далеко, начала кричать:

— Хвостъ! Хвостикъ! Хвостище!

Онъ оглянулся, вскипѣлъ было снова, но затѣмъ, презрительно усмѣхнувшись, продолжалъ подвигаться впередъ.

У берега его ожидала большая ладья; къ ней онъ и направлялся. Далеко, позади, шли его слуги, испуганные, злые, не смѣвшіе рта открыть для своей защиты; въ ухахъ ихъ еще раздавались озлобленные крики:

— Хвостище! Хвостъ!

Вдругъ — словно Нія задумала отомстить оскорбившему ее князю — громадная черная туча, принесенная бурными вѣтрами, всѣмъ своимъ тѣломъ свинцовымъ охватила вечернее небо и повисла надъ озеромъ.

Подъ нею, на горизонтѣ, виднѣлись широкія полосы ливня, затопившаго лѣса и поля и приближавшагося съ каждымъ мгновеніемъ; внутри ее что-то гудѣло, какъ будто бы она заключала въ себѣ тысячи камней, готовыхъ обрушиться на землю. Молнія за молніей ударила въ озеро; вихрь гнулъ деревья до самой земли, вырывалъ ихъ съ корнями, унося точно легкія перышки. Цѣлыя тучи песку поднимались на воздухъ, наполняя его пылью.

Буря не позволила князю добраться до лодки. Въ испугѣ всѣ побросались на землю, выжидая пока окончится непогода. Въ храмѣ Нии блескъ молній, порывами освѣщая темноту, казалось, тушилъ священный огонь; вѣтеръ рвалъ занавѣси, дымъ наполнялъ весь храмъ, искры носились въ воздухѣ. Красные глаза Нии искрились, точно радуясь этой стихійной борьбѣ. Одинъ за другимъ, почти непрерывно, раздавались удары грома; озеро помутилось, разъяренныя его волны далеко плескали на островъ.

Земля тряслась. Князь, закутанный въ плащъ, дрожалъ, бормоча что-то себѣ подъ носъ. Если бы кто вздумалъ подслушать его тогда, то крайне бы удивился, услышавъ мольбы, обращенныя то къ Перуну, то къ крестнику, висѣвшему у него на груди. Старые предразсудки и новая вѣра цѣпились имъ одинаково... Поклоняясь новому Богу, онъ почиталъ и прежнія божества, съ

которыми ему трудно было разстаться. Не смотря на невольный страхъ, скоро овладѣло имъ нетерпѣніе—онъ началъ ворчать.

— Все это племя слѣдуетъ уничтожить до тла—мысленно проносилось въ его головѣ—пусть ихъ въ плѣнъ уведутъ, пусть превратятъ въ рабочій скотъ, пусть ими пашутъ... Пускай приходятъ саксонцы, и уничтожатъ ихъ... Этотъ змѣинный родъ, всѣхъ этихъ кметовъ, чѣмъ скорѣй ихъ на свѣтъ не будетъ—тѣмъ лучше... Вѣтеръ уже унимался, буря понеслась дальше, когда Смерда подошелъ къ лежавшему на землѣ князю; Хвостекъ едва не пронзилъ его мечемъ, до такой степени онъ оказался взбѣшеннымъ. Онъ забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ произошло. Лишь узнавъ лицо своего слуги — онъ слегка успокоился.

— Милостивый князь, проговорилъ Смерда:—буря прошла.. солнышко снова свѣтитъ... Уйдемъ скорѣе отсюда, оставимъ этотъ проклятый островъ, гдѣ воистину царство вѣдьмъ. Не кто другой, только онѣ, эти волшебницы, навели бурю и громы... Молнія поубивала многихъ изъ нашихъ. А что стало съ нашими лошадьми на томъ берегу?

Князь поднялся съ земли и вздохнулъ съ облегченіемъ, убѣдившись, что буря прошла; затѣмъ Хвостекъ вошелъ въ лодку вмѣстѣ со своими людьми. Лодка отвалила отъ берега.

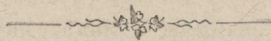
Изъ-за кустовъ Визунъ, окруженный испуганными женщинами, слѣдилъ за движеніемъ лодки, которая, съ каждымъ взмахомъ веселъ, все болѣе и болѣе отъ нихъ удалялась. Старикъ ворчалъ, женщины тоже должно быть посылали Хвостеку вслѣдъ проклятія.

Старая женщина обѣими руками рвала траву и бросала ее въ сторону исчезавшей на горизонтѣ лодки.

Дива едва только теперь начала приходить въ себя. Она неподвижно смотрѣла въ огонь. Казалось, что духи ее еще не покинули—она вся дрожала.

Солнце выглянуло изъ за тучъ; одинъ изъ его лучей, проскользнувъ сквозь раздвинутую занавѣсъ, пробрался внутрь храма и улегся золотою полоскою у ногъ красавицы, которая улыбнулась ему, какъ кроткому небесному вѣстнику...

На крышѣ снова заворковали голуби, въ кустахъ послышались соловьиныя трели, а надъ княжескою лодкою кружились черныя вороны, опускаясь то ниже, то выше, какъ бы желая добраться до буйныхъ головъ.

ГЛАВА XV.

княжескаго столба народъ толпился до поздней ночи. Милостивый князь все не возвращался. Княгиня сидѣла у себя въ свѣтлицѣ и мечтала. Она призывала слугъ, старшину, женщинъ. Иногда она съ безпокойствомъ поднималась съ мѣста, подходила къ окну, къ дверямъ, посылала спрашивать не вернулся ли ея повелитель, не видно ли его гдѣ нибудь вдали, не слышно ли о немъ чего.

На первомъ дворѣ тоже дожидались князя. Нѣкоторые изъ слугъ, утомившись

напраснымъ ожиданіемъ, уже легли спать.

Гдѣ-то вдали, въ сторонѣ лѣса, прошла буря съ шумомъ и ревомъ; затѣмъ опять все утихло. Глянуло было солнышко изъ за тучъ, но сейчасъ же и скрылось. Темнота непроницаемымъ саваномъ мало по малу покрыла землю—а князь все не возвращался. У княжескаго столба никто не рѣшался ложиться—хозяина не было дома. Если бы князь замѣтилъ кого нибудь не готовымъ—вотъ была бы потѣха! Навѣрное не вышелъ бы несчастный живымъ изъ рукъ недовольнаго деспота.

Каждую минуту Брунгильда высылала мальчика узнавать не пріѣхалъ ли мужъ, но мальчикъ каждый разъ приносилъ одно и тоже извѣстіе: ни духу, ни слуху.

Въ свѣтлицѣ княгини закрыли ставни, на окнахъ спустили занавѣси. По временамъ ставни тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Вѣтеръ гудѣлъ, навѣвая тоску унылыми завываньями.

Только около полуночи у моста слышался лошадиный топотъ; люди начали перекликаться другъ съ другомъ—пріѣхалъ князь.

Въ эту минуту, вдоль стѣнъ княжескаго дома, прошла какая-то женщина вся въ бѣломъ: то княгиня вышла встрѣчать своего супруга и господина. Она вздумала было представиться раздраженною, но взойдя въ свѣтлицу, въ которой слуги раздѣвали Хвостека, раскладывая его промокшее платье—княгиня замѣтила, что супругъ что-то не весело смотреть...

Взглянули они другъ на друга; здороваться имъ и въ голову не пришло. Князь ударилъ въ столъ кулакомъ и ворчалъ—велѣлъ дать себѣ меду.

Онъ былъ голоденъ, жажда его томила, а притомъ еще злость подкашивалась подъ самое сердце... Князь безъ устали проклиналъ все и всѣхъ, желая всему міру исчезнуть и провалиться сквозь землю.

Брунгильда, со сложенными на груди руками, стояла, прислонившись къ столу. Слуги разбѣжались.

— Давно ужъ полночные пѣтухи пропѣли, а милостиваго моего господина нельзя было дожидаться!...

— Молчи ты, сорока!.. не спрашивай...—крикнулъ князь,—не навязывай мнѣ своей болтовни—я взбѣшенъ—и знать никого не хочу!

— Даже жены!

Князь не отвѣтилъ.

— Хадона послать мнѣ завтра чуть свѣтъ!..

Онъ схватился обѣими руками за голову и рвалъ себѣ волосы.

— Пусть Хадонъ завтра же ѣдетъ къ саксонцамъ, пусть они къ намъ придутъ сюда... Пускай жгутъ, истребляютъ, пусть душатъ всѣхъ... Пусть всю эту землю пламенемъ истребятъ! Вѣдь если новъ берутъ подъ запашку—сперва очищаютъ ее топоромъ и огнемъ. И здѣсь ничего нельзя будетъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока огонь и топоръ не истребятъ этого проклятаго зелья!..

Княгиня улыбнулась.

— Давно ужъ я знаю объ этомъ, много разъ и совѣтовала,—проговорила она,—одни лишь саксонцы умѣютъ справляться съ такими людьми... Тебѣ одному съ твоими смердами не побороть ихъ. Ихъ вѣдь здѣсь тьма. Каждый кметъ измѣнникъ, ни одному вѣрить нельзя.

— Чтобъ позвали ко мнѣ Хадона,—повторилъ князь,—но, молчать: куда и зачѣмъ посланъ. Раннимъ утромъ пускай онъ выходитъ пѣшкомъ, а тамъ возьметъ себѣ лошадь изъ табуна. Пусть ѣдетъ со знакомъ отъ меня. Пускай повезетъ перстень.

Княгиня ласково перебирала волосы князя, во всемъ соглашаясь съ нимъ.

— Будь спокоенъ, отдохни—я сама его снаряжу въ дорогу. Еще солнце не успѣетъ взойти, онъ ужъ будетъ отправленъ. Но времени не мало пройдетъ, пока онъ проѣдетъ эти пустыни и проберется за Лабу. А пока они тамъ еще собираться начнутъ, пока тронутся съ мѣста—тѣмъ временемъ, здѣсь!..

Князь посмотрѣлъ на нее.

— Здѣсь они сговариваются, собираютъ вѣче, по ночамъ совѣщаются;

сходятся и въ лѣсахъ, ѣздить и по дворамъ, разсылають своихъ людей во всѣ концы. Но я надъ ними смѣюсь, у меня людей довольно, столбъ крѣпокъ, да и башня выдержитъ ихъ напоръ. Озеро защититъ, а въ амбарахъ не пусто—всѣ переполнены. Хотя бы имъ вздумалось обложить столбъ—счумѣю еще съ ними справиться—но они этого не посмѣють сдѣлать.

Начался разговоръ въ полголоса. Княгиня сѣла возлѣ своего мужа. Слуги принесли Хвостеку полную миску говядины и кубокъ меда. Говядину онъ рвалъ пальцами, а медъ выпилъ залпомъ.

Насытившись, князь выгналъ вонъ изъ свѣтлицы всѣхъ своихъ слугъ, и вмѣсто того, чтобы ждать наступленія утра—сейчасъ же послалъ за Хадонъ.

Хадонъ былъ нѣмецъ, но при князѣ онъ выучился мѣстному языку, привыкъ къ туземнымъ обычаямъ; сохранившій кое-какія изъ своихъ прежнихъ, дикихъ привычекъ, тѣмъ не менѣе его не легко было отличить отъ другихъ, когда онъ нарочно входилъ въ толпу, чтобы подслушивать и присматриваться, а потомъ доносить господамъ.

Въ свѣтлицу вошелъ молодой паренъ, любимецъ княгини, котораго всѣ боялись и—не безъ основанія. Когда князя не было дома, онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у своей повелительницы, развлекая ее своими разсказами: куда бы она не отправлялась, всюду за ней ѣхалъ Хадонъ. Князь его тоже любилъ, потому что нѣмецъ ловко умѣлъ ему угождать, ласкаясь въ то же время какъ кошка. Не будь у него лицо такъ блѣдно и покрыто веснушками, онъ былъ бы хорошъ собою, тѣмъ болѣе, что обладалъ густыми, вьющимися волосами, хотя и искрасна-рыжаго цвѣта.

— Хадонъ!—позвалъ его князь,—лишь только вѣрный слуга взошелъ въ свѣтлицу.—Поди-ка сюда!.. Завтра чуть свѣтъ соберешься въ дорогу туда...

При этихъ словахъ князь указалъ рукою по направленію на западъ.

— Поѣдешь къ старому, скажешь ему, чтобы прислалъ мнѣ своихъ людей. Довольно ужъ я натерпѣлся; надо рѣшиться покончить съ кметами разомъ. Пусть высылаютъ людей сколько найдется, да чтобы всѣ какъ можно лучше вооружились... Одна горсть саксонцевъ уничтожитъ эту дикую, безоружную толпу.

Хадонъ искоса взглядывалъ на княгиню, которая глазами старалась ему объяснить, что слѣдовало отвѣчать князю.

— Княгиня дастъ тебѣ перстень—ты его тамъ покажешь и тебѣ повѣрятъ. Старый знаетъ, что означаетъ перстень... Я долго оттягивалъ... Сегодня... Да, такъ-то лучше... Пусть приходятъ...

— Милостивый князь,—проговорилъ Хадонъ,—только развѣ слѣпой не замѣтилъ бы, что у насъ здѣсь творится... Собирають вѣче, совѣтуются, а поспѣютъ ли наши во время?...

Князь разсмѣялся.

— Э, братъ, твердые зубы и тѣ не укусятъ стѣнъ моего столба—сказалъ онъ.—Пусть ломають ихъ себѣ о него, коли хотятъ... Помощь поспѣетъ во время... Здѣсь-то я ихъ не боюсь!.. Знаю я этихъ собачьихъ

сыновъ; больше ворчатъ, чѣмъ кусаютъ,—зубы лишь скалятъ и только! Толпою готовы хоть на ежа съ голыми руками напасть, а разбредутся по парамъ—и снова заснутъ!

— Князь милостивый, едва слышнымъ голосомъ замѣтилъ Хадонъ:—справедливо изволишь ты говорить, только все же здѣсь никому довѣриться нельзя, даже своей дружинѣ...

Князь нахмурился.

— Смердамъ своимъ я вѣрю, а толпы не боюсь: ее не трудно держать въ границахъ.

Князь улыбнулся, беззаботно потягивая медъ; Хадонъ же началъ рассказывать обо всемъ, что ему въ этотъ день удалось вывѣдать у людей. Слышно, говорилъ онъ, что кметы начали часто ѣздить другъ къ другу, что по ночамъ назначаютъ на городищѣ свиданія, что вѣстовые рыскаютъ всюду, что, наконецъ, кметы избираютъ какихъ-то старостъ.

Князь слушалъ. Презрительная улыбка появилась у него на губахъ.

— Пускай болтаютъ и совѣщаются, пускай кричатъ—больше того они ничего не сдѣлаютъ. А все не мѣшаетъ ихъ проучить! Вотъ для этого мнѣ и нужны саксонцы. Итакъ завтра въ путь, Хадонъ.

Паренѣ снова искоса посмотрѣлъ на княгиню, наклонилъ голову и, скрестивъ на груди руки, вышелъ изъ комнаты.

О происшедшемъ на Ледницѣ князь не обмолвился ни единымъ словомъ, строго-на-строго, приказавъ бывшимъ съ нимъ слугамъ молчать обо всемъ. Не смотря на приказъ, полурасказами, полунамеками они успѣли вселить страхъ въ обитателяхъ княжескаго столба.

На слѣдующій день въ городѣ была повсемѣстная тишина. Князь отдыхалъ, княгиня сидѣла у прилки и шѣла, гоня своихъ прислужницъ. Небо заволокло тучами, накрапывалъ дождикъ. Лишь послѣ полудня вышелъ князь на крыльцо и присѣлъ на скамьѣ. Собаки окружили его со всѣхъ сторонъ. Князь поѣлъ, выпилъ, слегка вздремнулъ и, очнувшись, разогналъ всѣхъ своихъ собакъ.

Немного спустя, у моста остановилась кучка людей, требуя, чтобы ихъ допустили къ князю... То были кметы, жупаны, старшины и владыки.

Смердъ прибѣжалъ къ князю съ этимъ извѣстіемъ... Последнему невольно пришло на мысль—не являлись ли кметы предвѣстниками вооруженнаго возстанія? Хвостекъ нахмурилъ брови.

— Впустить ихъ—крикнулъ князь:—потомъ ворота закрыть и не смѣть никого выпускать безъ моего приказанія. Пусть идутъ—увидимъ съ чѣмъ-то пожаловали!

Князь поднялся со скамьи...

Въ воротахъ показались кметы, все люди почтенные, въ праздничной одеждѣ... Всѣ были вооружены, Хвостъ изъподлбья смотрѣлъ на нихъ: онъ видимо старался запомнить лица, осмѣлившихся явиться къ нему. Тѣхъ, впрочемъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и надѣялся здѣсь увидѣть—тѣхъ не

было. Товарищи не хотѣли пускать ихъ къ князю, который легко могъ лишить ихъ свободы, упрятавъ въ темницу.

Кметы дружно и смѣло подвигались впередъ. Князь сѣлъ на скамью, подбоченившись. Отъ моста до крыльца было не особенно близко.

Хвостъ смотрѣлъ на нихъ—кметы тоже, не потупляясь, глядѣли на властелина. Повидимому ни та, ни другая стороны не хотѣли ничѣмъ поступиться. Еще не были высказаны привѣтствія, а глаза ужъ успѣли выяснить все, что за долгое время скопилось въ душѣ.

Въ глазахъ кметовъ читалось, что явились они сюда съ жалобою, но что сильна ихъ увѣренность въ своемъ правѣ—взоръ же князя, полный ненависти и гнѣва, отвѣчалъ имъ, что увѣренность и надежды ихъ тщетны.

Кметы приблизились къ князю. Впереди шелъ глава Мышко, человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, широкоплечій, длинные волосы и черная, кудрявая борода котораго наводили страхъ даже на дикихъ звѣрей. У пояса, куда засунулъ онъ свою руку—висѣли мечъ и топоръ. Слѣдомъ за нимъ неторопливо шагали другіе. Когда горсть этихъ смѣльчаковъ подошла къ крыльцу—Мышко поклонился князю, рукою дотронувшись до головного убора. Князь едва шевельнулся, губы у него дрожали отъ гнѣва.

— Пришли мы къ тебѣ, князь нашъ ты милостивый,—проговорилъ Мышко,—по дѣлу, по старому дѣлу кметовъ. Угодно ли будетъ насъ выслушать?

— Говорите... Иной разъ чего не приходится выслушать: и карканье воронъ, филиновъ крикъ, да и собачій вой... Послушаемъ и вашего голоса...

Мышко обвелъ глазами своихъ и замѣтилъ, что ни одинъ изъ нихъ не испугался этой угрозы.

— Плохо начинаешь ты съ нами, продолжалъ Мышко:—сравнивая насъ съ птицами да съ звѣрьемъ, мы люди такіе же, какъ и ты!...

— Какъ я?—переспросилъ князь проницески.—Ну, такъ это вы плохо начали... Я что-то о равныхъ себѣ здѣсь не слыхивалъ, кромѣ какъ изъ моего рода.

— Слышалъ ли, нѣтъ ли,—отвѣтилъ Мышко:—твое это дѣло, князь, я только предупреждаю—не пришлось бы часомъ почувствовать!.. Сегодня мы еще, пока что, пришли къ тебѣ съ просьбою, не для ссоры, а для совѣта... Князь и вождь нуженъ намъ былъ, вотъ мы твой родъ и пригласили къ себѣ и отдали въ руки его всякую власть. Мы хотѣли, чтобы нашъ князь защищалъ нашу землю отъ враговъ. Но не для того мы облекли его властью, чтобы наши же шеи онъ намъ рубилъ. Ты, князь, ты забылъ объ этомъ; ты хочешь, какъ видно, обратить насъ въ рабовъ? Знай же, князь—не легко съ нами справиться! Мы тебѣ говоримъ—измѣнись, будь за одно съ нами и иди рука объ руку!

Мышко умолялъ. Хвостъ, во все время рѣчи дрожавшій отъ злости, всталъ со скамьи и, выпрямившись во весь ростъ, оскорбительнымъ тономъ захохоталъ. Бѣлые зубы его оскалились, пѣна явилась у него на губахъ...

Это значило, что онъ взбѣшенъ до крайней степени... Погрозивъ кулакомъ, онъ во все горло крикнулъ:

— Не вамъ меня учить уму разуму! Не вамъ! Что же—вы посадили меня на томъ мѣстѣ, гдѣ я теперь, вы? Здѣсь были и отецъ мой, и дѣдъ, и прадѣды мои, а у нихъ была такая же сила, какъ и у меня! Не вамъ ее у меня отнять! Вамъ вздумалось жить по старому, вамъ хочется прежней свободы—не будетъ вамъ этого, нѣтъ!—Я хочу, чтобы вы меня слушались и вы будете мнѣ покорны!

Никто не прерывалъ рѣчи князя. Всѣ слушали молча.

— Твоихъ справедливыхъ требованій мы исполнять не отказываемся—началь Мышко, немного спустя.—Что справедливо, то исполняемъ—но не позволимъ превратить насъ въ нѣмецкихъ рабовъ. Тебѣ правится все, что у нихъ происходитъ; это хищный народъ: гдѣ война, тамъ о свободѣ не можетъ быть рѣчи. Мы не любимъ войны; правда, мы защищаемся, но только тогда, когда насъ затрогиваютъ, когда на насъ нападаютъ—и то по необходимости; сами же мы нападать избѣгаемъ потому, что любимъ свободу. Къ тому же и границы наши спокойны!

Князь продолжалъ стоять, какъ бы не слушая рѣчи Мышко, онъ считалъ ихъ глазами.

— Дальше что? спросилъ онъ.

— Твои смерды и прислужники отнимаютъ у насъ сыновей; женщинъ—насилуютъ, стада—уводятъ съ пастбищъ, сѣно воруютъ, жгутъ лѣса, истребляютъ наши поля—этого ужъ слишкомъ много! Съ тебя и твоей земли довольно!

Хвостъ началъ ходить взадъ и впередъ по крыльцу. Когда Мышко кончилъ, князь снова спросилъ:

— Дальше что?.. Можетъ найдется побольше что, по важнѣе?

— Еще больше? — проговорилъ другой Мышко, уже давно неспокойно стоявшій на мѣстѣ, какъ бы желая что-то сказать.—Еще тебѣ больше? Да еслибъ мы начали все перечислять, то и конца бы этому не было. А кто здѣсь, у столба, перепоилъ нашихъ братьевъ такъ, что они, бросившись другъ ва друга, перерѣзались всѣ? А потомъ: кто велѣлъ тѣла ихъ бросить въ озеро? А мало развѣ нашихъ погибло и гниютъ еще у тебя въ темницѣ?..

— А я тебѣ еще больше скажу, отозвался третій.—Ты за одно стоишь съ нѣмцами, съ нашими врагами! Ты взялъ себѣ нѣмку въ жены, ты къ нимъ посылаешь, ты съ ними въ дружбѣ живешь! Мы все это знаемъ, все знаемъ!

Онъ поднялъ руку вверхъ, угрожая ею князю.

Кметы начали говорить все громче, каждый хотѣлъ напомнить десятку о его безчинствахъ... Ужъ теперь необдуманныя слова лились рѣкою. Сжатые кулаки появлялись надъ головами... Князь ходилъ, скрежеталъ зубами и злобно смѣялся. По временамъ онъ бросалъ какіе-то странные взгляды въ сторону, гдѣ смерды стояли.

Княжескіе слуги, одинъ за другимъ, начали оцѣплять кметовъ. Они преградили имъ доступъ къ воротамъ. Челядь вся была вооружена. Сперва никто на это не обратилъ вниманія; наконецъ, Мышко первый оглянулся и замѣтилъ стоящихъ за нимъ вооруженныхъ людей.

— Это что значить? спросилъ онъ.— Не хочешь ли въ плѣнъ насъ забрать? Мы явились къ тебѣ по вѣчному желанію; случись съ нами что либо недоброе—тебѣ еще хуже будетъ!

Ни слова не отвѣчая, Хвостъ крикнулъ людямъ:

— Вязать ихъ! Кандалы и темница!—вотъ мой отвѣтъ!

Но слугу не успѣли еще тронуться съ мѣста, какъ Мышко бросился на крыльцо и схватилъ князя за плечи. Они долго боролись, образовавъ одну движущуюся массу. Слуги, вмѣсто того, чтобы защищать своего господина, стояли какъ вкопанные: смѣлость Мышко озадачила ихъ.

Среди царившей въ тотъ моментъ тишины, кромѣ проклятій Хвостка и Мышко, ничего не было слышно... Оба соперника, послѣ продолжительной рукопашной схватки, свалились на землю. Князь былъ внизу, на немъ сидѣлъ Мышко, придавливая его всею тяжестью своего тѣла. Все это происходило какъ разъ противъ входныхъ дверей, которые вдругъ растворились и изъ нихъ выбѣжала княгиня, съ распущенными волосами... Она подняла неистовый крикъ... Ножъ блеснулъ въ ея рукѣ... Еще мгновенье—и княгиня, нагнувшись надъ Мышко, начала ему рѣзать пожемъ горло... Кровь брызнула на столбы крыльца... Кметы бросились выручать своего... Шумъ и крикъ огласили воздухъ... Слуги набросились сзади...

— Бей! Убивай! Рѣжь! кричали со всѣхъ сторонъ.

Кметы дрались отчаянно. Мышко, не смотря на страшную рану, поднявшись на ноги, долго еще защищался; другіе тоже не мѣшкали... Кметы, замѣтивъ, что врагъ сильнѣе ихъ, сплотились въ одну кучку и начали отступать къ воротамъ... Крикъ, шумъ, вопли... слышались удары, свистѣли стрѣлы... Люди, бывшіе въ башнѣ или стоявшіе на дворѣ, не посмѣли приблизиться къ кметамъ, и стрѣляли въ нихъ издали... Кровь лилась рѣкою... Не смотря, однако, на это, кметы счумѣли достигнуть воротъ, сильнымъ напоромъ открыли ихъ и выбрались на мостъ... Дождавшіеся здѣсь ихъ слуги, замѣтивъ своихъ господъ, залитыхъ кровью, съ неистовымъ крикомъ бросились на преслѣдовавшихъ смердовъ и снова завязался бой. Съ одной стороны была небольшая кучка людей, отчаянно защищавшихъ своихъ господъ, съ другой—толпа безъ вожда, безъ главы. Не приготовленная къ борьбѣ, возможности которой никто не подозрѣвалъ, и притомъ далеко не желавшая жертвовать жизнью—толпа эта громко кричала, но не преслѣдовала удалявшихся кметовъ и ихъ людей. Хвостъ, хотя и явился, но онъ прибѣжалъ слишкомъ поздно. Смерды его не счумѣли отрѣзать кметовъ отъ слугъ ихъ и лошадей, добравшись до которыхъ, кметы ушли. Мышко, весь въ крови, поднявъ руку вверхъ, крикнулъ Хвосту на прощанье:

— Тебѣ вздумалось воевать съ нами, такъ быть же войнѣ!

Но онъ потерялъ столько крови, что чуть не упалъ на землю. Два

Брунгильда остановилась на лѣстницѣ. (стр. 181).

товарища поддерживали его съ двухъ сторонъ. Кметы удалялись отъ княжескаго града, проклиная его и всѣхъ въ немъ живущихъ.

Хвостекъ бѣсился, что ихъ выпустили, что имъ позволили уйти. Съ горяча онъ велѣлъ вѣшать всѣхъ своихъ слугъ за то, что во время они его не поддержали и дали кметамъ возможность спастись. Смерды тутъ же начали бить виновныхъ палками и прутьями.

Княгиня, съ окровавленнымъ ножомъ въ рукѣ; стояла на крыльцѣ и пальцемъ указывала трусовъ, называя ихъ по именамъ.

Хвостекъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ подбѣгалъ и дралъ ихъ собственноручно.

Долго еще у столба раздавались стоны и плачъ. Лишь тогда, когда палачи утомились — избитые слуги разбѣжались во всѣ стороны и попрятались по угламъ.

Князь и княгиня, опомнившись, немного поздно сообразили, что, въ сущности, вовсе не время выказывать свою строгость, такъ какъ ежеминутно могли представиться обстоятельства, гдѣ помощь слугъ оказалась бы крайне необходимой.

Тогда, какъ это часто водилось въ старину — послѣ строгаго наказанія наступило время помилованія; даже больше того, какъ бы просьбы забыть все происшедшее. Князь велѣлъ вынести нѣсколько боченковъ пива и освѣжевать нѣсколькихъ барановъ. Все это по совѣту княгини. Избитые слуги, не переставая стонать, приблизились къ разставленнымъ бочкамъ, начали пить и, почесывая спины, мало по малу начали смѣяться другъ надъ другомъ. Смерды, между тѣмъ, чинили поломанныя ворота и осматривали мостъ.

Въ избѣ, на скамьѣ, лежалъ Хвостъ, который, при паденіи на полъ, сколоченный изъ толстыхъ бревень, больно ушибся — стоналъ и проклиналъ всѣхъ и все. Около него сидѣла княгиня и смотрѣла на него съ жалостью, близкой къ презрѣнію.

— Ты самъ виноватъ, — проговорила она: — нужно было меня слушаться. Это дѣло кончилось бы совсѣмъ иначе. Слѣдовало вѣжливо попросить ихъ зайти въ избу, посадить за столъ, говорить съ ними безъ гнѣва. А тѣмъ временемъ у дверей можно было поставить слугъ, и поймать ихъ какъ рыбу въ сѣти. А еще лучше, надо было наобѣщать имъ всего возможнаго, притвориться слабымъ... А пришли бы саксонцы, тогда бы и сдѣлать что нужно... а не торопиться... не воевать...

Бѣлою рукою дотронулась она до лба своего супруга.

— У тебя, князь, рука сильнѣе головы. Я, слабая женщина, а все же лучше сѣмъ бы справиться съ этимъ ехиднымъ племенемъ! Слушался бы меня!

Князь разразился проклятьями.

— Что жъ теперь дѣлать?

Брунгильда задумалась.

— Надо оттягивать, а тѣмъ временемъ всѣми силами пріобрѣтать друзей. Твоя вспыльчивость послужила причиною гнѣва дядей твоихъ, пле-

мянниковъ, да и всѣхъ нашихъ; они тоже готовы стать на сторонѣ кметовъ... Перетянуть ихъ на свою сторону — вотъ первое, чѣмъ нужно заняться!

Князь слушалъ.

— Говори, какъ же это сдѣлать, у тебя разумъ нѣмецкій, я умѣю только сражаться!—ворчалъ онъ.—Ну, говори, что слѣдуетъ для этого предпринять?

Блѣдное лицо княгини покрылось румянцемъ. Она начала нервно ходить взадъ и впередъ по избѣ.

— Дядей и вообще всю родню необходимо привлечь на свою сторону... Присоединись они къ кметамъ—дѣло бы вышло плохое! Раньше, нежели саксонцы поспѣли бы съ помощью—тѣ бы ужъ сдѣлали нападеніе...

Хвостъ такъ на жену и уставился. Брунгильда остановилась передъ нимъ.

— Поручи мнѣ все это, — сказала она. — У Милоша одного сына ты убилъ, другому выкололи глаза... Слѣпаго нужно отдать отцу и такъ подвести, чтобы онъ думалъ, что у сына выкололи глаза не по нашему приказанію. Я къ послѣднему зайду въ темницу. Нужно его одѣть, накормить и отправить домой. Старый Милошъ проститъ намъ все, когда отдадимъ ему сына. Это очень возможно.

— А два другіе?—спросилъ князь.—А племянники, а всѣ остальные?

— Нужно послать къ нимъ умныхъ людей, просить ихъ пожаловать къ намъ. Нашъ интересъ, тоже и ихъ интересъ. Не будетъ насъ здѣсь, кметы уничтожатъ всѣхъ Лешковъ, въ живыхъ не оставятъ ни одного... Они должны же это понять... Пускай пріѣзжаютъ всѣ, пусть помогутъ совѣтомъ...

— А если не захотятъ, откажутъ?

Брунгильда не отвѣтила на этотъ вопросъ. Она, сложивъ на груди руки, только отрицательно покачала головою. Мужъ и жена посмотрѣли другъ другу въ глаза.

— Пожелаютъ!.. Откажутъ?.. Пусть только сперва пріѣдутъ, а тамъ ужъ увидимъ, что удобнѣе предпринять!

Князь застоналъ. Брунгильда поднесла ему чашу съ медомъ и ласково обняла за шею.

— Слушайся меня,—сказала она:—хотя я и женщина, но лучше тебя справляюсь съ людьми. Воевать, я знаю, силъ у тебя хватитъ, но гдѣ нужно хитростью дѣло подвинуть—тамъ ты ужъ предоставь его мнѣ.

Потомъ, тѣмъ же заискивающимъ тономъ, она продолжала:

— Теперь я пойду въ темницу, освобожу Лешка и отправлю его къ Милошу. Смердовъ пошлю къ дядямъ. Ты отдохни, дай мнѣ лишь волю дѣйствовать какъ я захочу и увидишь, какъ все хорошо пойдетъ!

Проговоривъ это, она ловко, почти не замѣтно для Хвостека, вышла изъ комнаты. На дворѣ она кивнула рукою своему приближенному Кашубѣ, котораго прозвали Мухой.

Муха былъ молодой и красивый парень, всегда готовый къ услугамъ княгини и постоянно веселый; въ смерды сама княгиня произвела его, узнавъ, что онъ умный и хитрый малый. Муха былъ соперникомъ того нѣмца, котораго княгиня отравила къ саксонцамъ: они вѣчно спорили изъ-за ласковаго взгляда княгини, чѣмъ послѣдняя искренно тѣшилась, такъ какъ это льстило ея самолюбію. Въ настоящее время, Кашуба считалъ себя счастливымъ, зная, что его соперникъ далеко. Брунгильда улыбнулась, смотря на подбѣжавшаго къ ней вѣрнаго и преданнаго красавца.

— Мнѣ нужно зайти въ темницу,—объявила она:—гдѣ сидитъ слѣпой Лешекъ; ты пойдешь со мною... Нужно снарядить въ путь челоуѣка четыре, приготовить одежду богатую и красивую. Лешка придется отослать къ Милошу, и сдѣлать это еще сегодня...

Въ отвѣтъ Муха почтительно поклонился.

Княгиня немедленно отправилась по направленію къ столбу. Темница, въ которую посадили Лешка, помѣщалась въ башнѣ. Нельзя было иначе проникнуть въ нее, какъ по лѣстницѣ. Лѣстница въ эту минуту была на своемъ мѣстѣ, такъ какъ только что передъ этимъ сторожъ принесъ бѣдному узнику хлѣбъ и воду. Брунгильда взошла на лѣстницу, приказавъ Мухѣ слѣдовать за собою. Внутри башни царствовалъ полумракъ. Незатѣйливая лѣстница вела въ темницу, которая запиралась сверху. Подъ тяжелою дверью находилось мѣсто заключенія ослѣпленнаго Лешки, освѣщенное свѣтомъ проскользающимъ сквозъ небольшое окошечко.

Въ этой смрадной ямѣ, на сгнившей соломѣ, лежалъ молодой челоуѣкъ; не смотря на тяжелое его положеніе, на грязную и простую одежду, полуизорванное покрывало, едва защищавшее худое, пожелтѣвшее его тѣло—онъ сохранилъ все признаки поразительной красоты. Услышавъ необычный въ темницѣ шорохъ женскаго платья, онъ поднялъ голову: на бѣдномъ лбу появились морщины. Брунгильда остановилась на лѣстницѣ: ей стало жутко въ этой темницѣ... Княгиня нарочно кашлянула. Лешекъ всталъ...

— Кто здѣсь? спросилъ онъ.

— Я, здѣсь,—тихимъ и сладкимъ голосомъ отвѣтила Брунгильда:—я, Брунгильда...

— Я долженъ умереть, не правда ли?—спросилъ узникъ.

— Нѣтъ, я нарочно пришла объявить тебѣ, о твоей свободѣ,—продолжала княгиня.—Я всегда вамъ обонимъ, тебѣ и твоему брату, желала помочь, я старалась спасти васъ... Князь не по своей волѣ дѣйствовалъ; ваши враги требовали этого... Васъ они обратили въ средство угрозы... Все, что случилось—случилось безъ нашего приказанія, виноваты слуги одни...

Лешекъ презрительно улыбнулся: онъ не вѣрилъ, не могъ вѣрить словамъ этой хитрой женщины.

— Не сомнѣвайся,—говорила Брунгильда:—князь горько оплакиваетъ погибель твоего брата и твое ослѣпленіе...

— А по чѣму жь приказанію все это сдѣлано было?—негодующимъ тономъ спросилъ Лешекъ.

— Такого приказанія никогда не было!..

Лешекъ горько смѣялся. Онъ взялъ горсть соломы и бессознательно мять ее въ рукахъ.

— Я освобожу тебя, -- прибавила княгиня: — и отошлю къ старику-отцу. Довольно ужь пролилось крови въ нашей семьѣ, довольно всякихъ несчастныхъ ссоръ. Будемъ друзьями! У насъ и безъ того довольно общихъ враговъ. Съ этихъ поръ, и ты и отецъ твой, вы будете мирно жить въ своемъ домѣ!..

При этихъ словахъ Брунгильда приблизилась къ Лешку, который, услышавъ ея голосъ почти у самаго уха, невольно отшатнулся назадъ, подозревая новую хитрость.

— Не бойся,--говорила княгиня:—клянусь тебѣ, что завтра ты будешь у своего отца. Князь хочетъ мириться съ вами. Сейчасъ тебя выведутъ отсюда, дадутъ новую одежду, накормятъ. Лошади и люди уже ожидаютъ тебя.

Лешекъ не вѣрилъ своимъ ушамъ... Движенія его обнаруживали, точно онъ искалъ какое-нибудь орудіе для защиты себя отъ хитраго врага. Дрожащія руки ощупывали мокрую, холодную стѣну.

— Не бойся,—повторяла Брунгильда:—клянусь тебѣ...

Бѣдный узникъ, прислонившись къ стѣнѣ, упорно молчалъ... Между тѣмъ двое людей, явившихся въ темницу по приказанію княгини, взяли его подъ руки. Не смотря на всѣ увѣренія Брунгильды, Лешекъ старался освободиться изъ рукъ уводившихъ его людей. Онъ стоналъ, подозревая измѣну. Силы, однако, измѣнили несчастному Лешку: здоровый мужчина—слуга взялъ его на плечи и понесъ вверхъ по лѣстницѣ. Брунгильда и Муха слѣдовали за нимъ. На него набросили плащъ и Кошуба повелъ его въ хату, гдѣ была приготовлена для него одежда. Княгиня выбрала блестящій нарядъ. Она возвратилась въ свѣтлицу, гдѣ намѣревалась принять и угостить освобожденнаго Лешка.

По ея приказанію, слуги поставили на столъ миску съ мясомъ, чашки съ молокомъ и медомъ, бѣлые калачи и другія яства. Княгиня рассчитывала сладкимъ голосомъ и любезностью привлечь на свою сторону недоувѣрчиваго Лешка. Муха долженъ былъ предварительно приготовить его къ тому.

Немного времени спустя, двери открылись и въ свѣтлицу вошелъ любимецъ княгини, за которымъ слѣдовалъ, придерживаясь за его рукавъ, несчастный, изуродованный Лешекъ. Это уродство, при его красотѣ, вызвало чувство состраданія даже въ тѣхъ людяхъ, которые привыкли къ подобнымъ зрѣлищамъ. Онъ былъ одѣтъ въ княжеское платье, богато расшитое золотомъ; на немъ была обувь съ красными шнурами и, точно потѣхи ради, мечъ, пристегнутый къ кушаку. Свѣтлорусые его волосы, только что вымытые, длинными прядями опускались ему на плечи. Блѣдное, истомленное

лицо выражало душевную боль. Красныя впадины глазъ, которыхъ вѣки не закрывали вполне, придавали лицу его выраженіе тупаго ужаса.

Брунгильда усадила гостя за столъ, сама же, стоя, подавала ему мясо и медъ.

Лешекъ до той степени оказался голоднымъ, что съ жадностью кидался на все, что ему предлагали. Онъ молчалъ.

Княгиня заискивающимъ голосомъ обратилась къ нему:

— Скажи своему отцу, что я сожалѣю, безконечно сожалѣю о всемъ, что случилось. У меня тоже есть сыновья, почти твоихъ лѣтъ; я горько плакала, узнавъ о постигшемъ тебя несчастіи. Князь былъ тогда пьянъ, слуги его не поняли; правда, онъ велѣлъ тебя посадить въ темницу, но не велѣлъ выкалывать глазъ. Напротивъ, онъ чуть не убилъ того человѣка, который осмѣлился сдѣлать это.

Брунгильда долго еще говорила; Лешекъ слушалъ ее и молчалъ. Это молчаніе беспокоило княгиню: ей показалось, что Лешекъ не довѣряетъ ея словамъ. Она всѣми силами старалась увѣрить несчастнаго, что все произошло безъ участія князя, что онъ совершенно во всемъ неповиненъ.

— Тебя сейчасъ повезутъ къ твоему отцу,—продолжала княгиня.—Я вымолила у князя тебѣ свободу, въ надеждѣ, что ты отца своего съумѣешь помирить съ нами. Передай ему, что и князь, и я желаемъ жить съ нимъ въ дружбѣ, въ согласіи. Пусть пріѣзжаютъ къ намъ все ваши, пусть сразу рушатся все недоразумѣнія.

Лешекъ молчалъ по прежнему.

— Ты ему все передашь, что я говорила? спросила она.

— Что слышалъ—все передамъ—отвѣтилъ наконецъ Лешко.

Ни одного слова больше не удалось Брунгильдѣ вытянуть у слѣпца, упорно молчавшаго. Люди и верховыя лошади дожидались давно на дворѣ; двое слугъ должны были ѣхать по обоимъ сторонамъ освобожденнаго и поддерживать его въ сѣдлѣ.

Вскорѣ Лешекъ, въ сопровожденіи своихъ спутниковъ, выѣзжалъ изъ города. Муха стоялъ у воротъ, Брунгильда подошла къ нему. Она позвала своего любимца въ свѣтлицу, гдѣ никого не было, и поднесла ему кубокъ меду.

— Сейчасъ, немедля отправляйся въ дорогу—сказала она, ласкаясь къ Кашубѣ:—будь остороженъ, здѣсь нужно много ума. Поѣдешь къ дядьямъ моего мужа, скажешь имъ все, что ты видѣлъ, что Лешекъ теперь на свободѣ, что мы хотимъ съ ними мириться, пускай пріѣзжаютъ къ намъ. Кметы волнуются, защита не одному князю нужна, а и всей нашей роднѣ...

— Пусть пріѣзжаютъ—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!.. Главное, съумѣй передать имъ все это... не раздражи ихъ; напротивъ—по возможности успокой. . Однимъ словомъ, дѣлай, какъ знаешь, но чтобы они непременно явились сюда... Понялъ?..

Улыбающееся, веселое лицо Мухи служило лучшимъ отвѣтомъ, что

смѣтливый малый усвоилъ слова княгини и былъ увѣренъ въ исходъ даннаго ему порученія. Брунгильда велѣла ему отправиться сейчасъ-же, и когда увидѣла его выѣзжающимъ изъ воротъ — отправилась къ князю взглянуть, что онъ дѣлаетъ. Князь, выпивши изрядное количество крѣпкаго, стараго меду, спалъ на скамьѣ и храпѣлъ на всю комнату.

